

18+

ВАЛЕНТИНКА

ПОВЕСТИ И РАССКАЗЫ

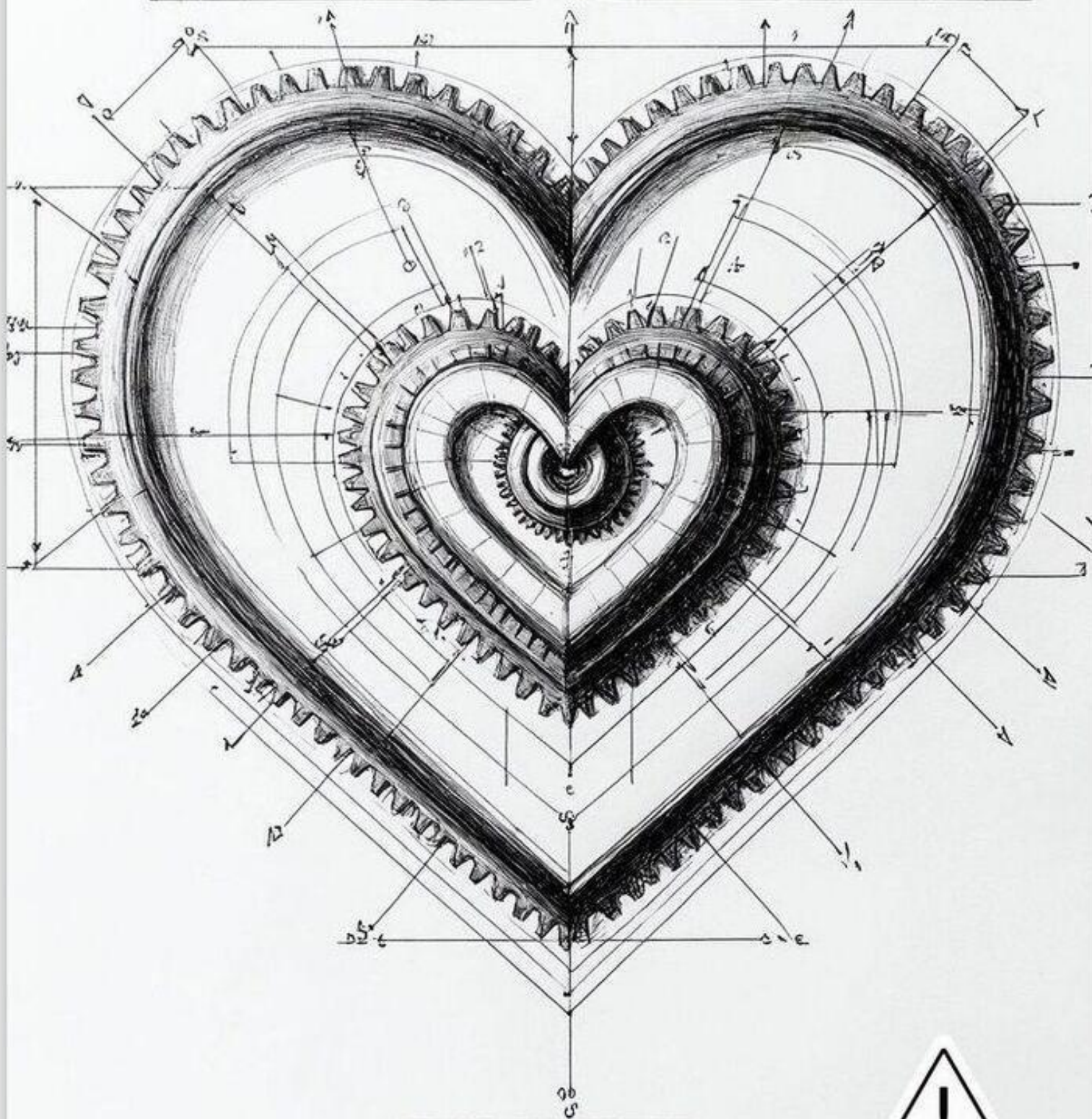
24.001

080

1.960

27

21.0801

ЕГОР КИСЕЛЕВ

Егор Киселев

Валентинка

«Издательские решения»

Киселев Е.

Валентинка / Е. Киселев — «Издательские решения»,

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Они спят на голых стройках, гниют заживо в общагах, прячут стыд под мятыми валентинками. Бегут от себя по ночным трассам, вязнут в грязи, греют руки у дырявых печек. Дети, которых не обняли. Старики, которым некуда идти. Мужчины и женщины, раздавленные бытом, работой, памятью. Сборник «Валентинка» — семнадцать (и ещё два) удара под дых. Это не «проза жизни». Это жизнь без прикрас, без права на счастливый финал. И одна самодельная открытка, которая, возможно, всё-таки стоила того.

© Киселев Е.

© Издательские решения

Содержание

Офис	6
Симулянт	33
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Валентинка

Егор Киселев

© Егор Киселев, 2026

ISBN 978-5-0070-3063-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Офис

В Офис бывший физик Игорь Иванович Комаров попал не сразу. Первое время он справлялся самостоятельно, но что-то постоянно шло не так. Да и с жильём ему не везло. Пустующих домов в округе хватало, но за большинством из них, даже за самыми bestолковыми сараями на выселках, кто-нибудь непременно присматривал. Стоило ему начать где-нибудь обживать, на второй-третий день объявлялись хозяева или соседи.

Игорь Иванович хорошо знал, что ему скажут, и даже был с ними заранее согласен. Чаще всего ему грозили милицией, но что бездомному старику милиция? Однажды его даже посадили в обезьянник, но надолго не задержали. Он был трезв, не буянил, не наглел, не качал права. В сущности, он очень стыдился своего поведения, но выбора у него не было. Дежурный, выпуская его, подкинул ему денюжку на буханку хлеба — его родители в прошлом жили по соседству с Комаровым.

Мужчины помоложе чаще грозились его побить, мужчины постарше гнали его крепким словом. А однажды нашёлся детина, который вытащил старика со стройки за шиворот и буквально спустил с лестницы, не проронив при этом ни слова.

Но больше других Игорь Иванович боялся шпаны. У мальчишек возраст не вызывал сочувствия. К старику они не приглядывались, увечий его не замечали. Появлялись внезапно, как стихийное бедствие. Забрасывали убежище старика бутылками, свистели, ругались. Если, уходя, ему приходилось прорываться через их толпу, могли и палкой по спине врезать или пинка под зад дать. А могли и камнем вдогонку кинуть. Жестокие люди.

Собственное жильё Игорь Иванович потерял случайно. Когда-то он был инженером на приборостроительном заводе, корпел над сложными микросхемами для нужд флота. Его уважали коллеги и начальство, на производстве он считался незаменимым сотрудником. Может, он и пролез бы куда-нибудь на руководящую должность, кабы не природная скромность или, лучше сказать, застенчивость.

По той же причине он не женился. Пока собирался с духом, незамужних женщин в его окружении разобрали. В какой-то момент Игорь Иванович обнаружил, что все его сослуживцы и друзья по институту давным-давно завели детей. В их город к морюшку приезжало много женщин, год от года Комаров с тоской наблюдал за ними на Приморском бульваре. В молодости ему казалось, что он — надёжная партия, и кто-нибудь его непременно заметит. Но время шло, и после сорока Игорь Иванович, сам того не заметив, примирился со своим одиночеством.

Единственный намёк на любовные отношения возник только к пятидесяти. Он невзначай разговорился со своей соседкой по лестничной площадке, Людмилой Анатольевной. Много лет они тихо здоровались в подъезде и расходились. А тут он узнал, что она вдова морского офицера, и всю жизнь хранила верность его памяти, хоть в браке они прожили недолго. Её мужа в городе уважали, и будто в дань этому уважению никто к ней больше не сватался.

Они стали общаться, сталкиваясь в подъезде или на улице. Могли вместе дойти до дома из булочной. Она угощала его выпечкой по праздникам, он помогал ей с мелким ремонтом по дому. Их дружбе вышел срок, когда Советский Союз прекратил своё существование. Людмила Анатольевна уехала к сестре в Одессу.

Развал СССР Игорь Иванович переживал как личную трагедию. Вместе со страной пропасть сорвалась вся его жизнь. Родной приборостроительный завод закрылся, и Игорь Иванович, всю жизнь проведший в его цехах, остался без работы. Он хватался за любую шабашку, лишь бы платили. Никого больше не интересовал его стаж. Сначала он чинил утюги и телевизоры, потом устроился разнорабочим на стройку. Но и тут всё пошло не по плану. Однажды, забрасывая рабочим бетон на стену, он ни с того ни с сего упал перед бетономешалкой, чудом не выбив об её станину зубы. Прораб грешил на жару, но врач скорой сразу понял — старика

сразил инсульт. Ему повезло выйти из больницы на своих ногах, но подвижность левой руки сильно нарушилась. Так он утратил здоровье и лишился работы.

По велению врача Игорь Иванович попытался выхлопотать себе инвалидность. Но чиновники его опасений не разделяли и все как один твердили, что он вполне трудоспособен. И пусть левая рука его отличалась от правой и даже лишилась части мышечной массы, не на каждой работе нужны обе руки. Когда Игорь Иванович уже почти отчаялся, подвернулась посильная работёнка: его взяли ночным сторожем в склад-магазин стройматериалов.

Работодатель от него ничего особенного не требовал, разве только жечь всю ночь свет в торговом зале, да обходить склад по периметру каждые полчаса. Однако эти требования вовсе не были формальностью. Молодой коммерсант, доверяя новому сотруднику фонарик, настаивал на их выполнении, тем более, чтобы раздумчиво обойти вокруг склада и от скуки посветить фонарём во все стороны, требовалось всего несколько минут. В одну дождливую ночь, в эти несколько минут в торговом зале неожиданно вспыхнул пожар.

Запах гари сторож уловил ещё на улице, но подумал, что это за гаражами в очередной раз мусор горит. Только у входа, вдоволь наигравшись с фонариком, он заметил дым. Стоило ему распахнуть дверь, огонь вспыхнул с удвоенной силой — занимался стеллаж с маслами и красками. Пожарных вызвали растревоженные жильцы соседнего дома, которых разбудили крики и стук сторожа.

В магазине пострадало всё. Что не уничтожил огонь, добились пожарные. Они пролили здание сверху донизу, в том числе и склад с сыпучими материалами, которые предусмотрительно хранились далеко от растворителей и красок, а вместе с ними залили болгарки с перфораторами, новомодный отбойный молот и бензиновый генератор.

Расследование шло недолго. В городке говорили, что проводка на складе искрила ещё до того, как там открылся магазин. И сеть, дескать, постоянно перегружена, но исключить поджог никто не мог. В результате весь ущерб предприниматель повесил на бедного сторожа.

Как назло Игорь Иванович оказался человеком внушаемым. Ему не составило труда поверить, что он несёт ответственность за всё, что происходит на вверенном ему объекте в его смену. В доверок ему угрожали и тюрьмой, и расправой, пока он сам не предложил возместить убытки, продав квартиру. Подбив баланс, выяснилось, что квартира и половины не покроет, если продавать её по рыночной стоимости. Но предприниматель решил «пойти на встречу» и замять дело, если старик переписет жильё на него. Безработному старику дали три недели на поиск пристанища. Так Игорь Иванович оказался на улице.

Проблемы с выселением начались в первый же день. Паспортистка, полная женщина предпенсионного возраста, отказывалась выписать Игоря Ивановича, пока тот не укажет, по какому адресу планирует прописаться. «Таковы правила, — говорила она, — вы же где-то собираетесь жить. Вот и укажите адрес». «У меня нет адреса», — отвечал он ей, но его слова будто бы разбивались об стену. Он пытался объяснить, она твердила своё, наконец, он сдался: «Пишите тот же адрес, мне всё равно некуда больше идти».

Дома Игорь Иванович прошёлся по личным вещам. Их оказалось на удивление много, а у него не было ни дачи, ни гаража, ни самого захудалого сарайчика. Он просил помощи у соседей, но те, узнав о его беде, стали его сторониться. В отчаянии он позвонил бывшему работодателю, просил дать ему небольшую отсрочку, чтобы он хотя бы книги пристроить успел. Тот выслушал спокойно и предложил Комарову на время перевезти вещи в его гараж.

На исходе третьей недели в квартиру Игоря Ивановича заявился предприниматель с двумя бритоголовыми молодцами. Он оглядел квартиру и присвистнул:

— Да тут, оказывается, ещё до фига работы. Но ничего, — он посмотрел на хозяина исподлобья, — мужчины помогут тебе собраться и снести вещи в машину.

— Вы всё-всё приберёте? — спросил старик с мольбой в голосе.

— Нет-с, — ответил тот. — Гараж у меня не резиновый. Кульки и коробки поместятся, а вот с мебелью, пожалуй, не помогу. Та ты оставь её здесь, ничё с ней не сделается.

Он говорил старику «ты», хотя был вдвое его моложе. Но Игорь Иванович к тому моменту уже окончательно сломался. Он со всем соглашался и не замечал, что его обирают. Его квартиру планировали пустить в дело, и вся обстановка кроме личных вещей была коммерсанту на руку, тем более, что Игорь Иванович жильё своё содержал в идеальном порядке. Ни одна дверь у него не скрипела, розетки держались в стене как влитые, мебель выглядела прилично.

— Я пришлю машину в субботу, — сказал он, уходя. — Подготовь всё, что захочешь забрать.

— Большое вам спасибо, — выдохнул Игорь Иванович, глядя в пол.

За отпущенные ему два дня он разложил вещи по коробкам и мешкам, а для себя собрал небольшую сумку. Сложил в неё бритвенный прибор, зубную щётку, лёгкое одеяло, сменную одежду, туфли. Упаковал всё это, сел на диван и заплакал. За три недели он так и не выгадал себе никакого угла. С работой тоже ничего не подвернулось.

Стояли последние тёплые дни октября. Днём солнышко позволяло ходить без куртки. В лёгкой осенней дымке пели птички. Галдела малышня во дворах. Соседка с четвёртого этажа, полная женщина в выцветшем розовом халате с бигуди в волосах, неловко вытряхивала в окно кухонную скатерть. Пенсионер в белой жёваной майке глухо кашлял, раскуривая на балконе папиросу. Игорь Иванович уселся с сумкой на лавочке у подъезда, не в силах ни о чём думать. Душа его заполнилась звуками улицы, будто перед отправкой на чужую планету. Он смотрел себе под ноги и ничего не видел.

— Ну, всё, дед, бывай, — похлопал его по спине один из присланных молодцов. — Ключей у тебя нет?

— Нет.

— Ладно. Понадобится что, свистни, поможем.

— Спасибо на добром слове, — Комаров поднял на него печальный взгляд.

Конечно, Игорь Иванович знал, ему никто не поможет. Теперь, когда двери его квартиры навсегда захлопнулись, он понял, что сделал величайшую глупость в жизни. «Нужно было судиться, — думал он. — Даже если бы приговорили, на улице бы не остался. Да и кто знает, сколько бы тянулись суды, была б хоть крыша над головой. А там, гляди, и помер бы в тепле».

— Да уж, приятель, — горько воскликнул он сам себе, — крепок ты задним умом! — Мысли упорно текли дальше. — Ну, положим, согласился ты переписать на него квартиру. Но у тебя же было какое-то имущество! Распродал бы его, пусть за копейки, не даром же отдавать! И так в кармане шаром покати. Долго не протянешь.

— Долго не протянешь, — повторил он, и к его удивлению от этих слов стало отвратительно сладостно на душе.

Наконец, подумав о том, что его бритоголовые благодетели могли оказаться менее терпеливыми, он стал размышлять, как действовать дальше. У него оставались какие-то смешные деньги, но он рассудил их приберечь — неизвестно, как скоро подвернётся заработок. В конце концов, на дворе осень, не сегодня-завтра пойдут дожди, а до заморозков нужно успеть обжиться.

За прошедшие три недели он успел обзвонить всех знакомых, но никто не вызвался ему помочь. Кто-то, как и старик, сидел без работы, кому-то основательно захиревшие заводы полгода не выплачивали зарплату, кто-то уже стоял одной ногой в могиле. Ему советовали осажждать чиновников в надежде выбить комнату в общежитии. Игорь Иванович не обижался, понимая, что не только он, вся страна живёт в нищете.

По поводу общежития он пошёл узнавать первым делом — места нигде не нашлось. Ему ответили, что он может, конечно, подождать, но кроме него, взрослого мужика, есть ещё

сироты, женщины, инвалиды. И даже они вынуждены стоять в очереди. Потому что жилой фонд ветшает, а на социальное жильё денег в стране нет.

К вечеру похолодало. С моря потянулись сырые облака, обещая дождь. Ночевать на улице стало нельзя, и старик вернулся в свой подъезд. К собственному удивлению, за целый день он не смог заставить себя искать жильё. Ноги не слушались. Стоило ему отойти от подъезда, как всё произошедшее тут же становилось необратимым. А пока он сидел, была безумная надежда, что всё это только нелепая шутка и он сегодня же вернётся в свою постель.

Ключи от квартиры у него забрали. Он постоял перед дверью, понимая, что колотить в неё бессмысленно, присел на холодные ступеньки и тяжело вздохнул. Делать нечего. В темноте другого ночлега не найти. Он поднялся выше и устроился на лестнице, ведущей на чердак. Здесь его до утра не побеспокоят.

Ночь прошла тревожно. На чердаке уныло завывал ветер, в доме постоянно что-то скрипело. Среди ночи Игорю Ивановичу показалось, будто он слышит море, хотя до него было пятнадцать минут бодрой ходьбы. Редкий дождь стучал по облезлым подоконникам, качались ветки в мутном окне, на чердаке откуда-то капала вода. Запах сырости из подвала смешивался с духом старой подъездной пыли.

В начале седьмого Игоря Ивановича разбудила уборщица. Спросонья он глядел на неё, пытаясь понять, кто она и что ей нужно. Он узнал её, — таких болезненно худых девушек кроме неё он в городе не встречал. Она напоминала скелет, обтянутый кожей. Одежда висела на ней, как на вешалке, а поверх жиденькой курточки она надела оранжевый сигнальный жилет, какой обычно на службе носили железнодорожники.

— Вы живой, мужчина? — спросила она снова, глядя на него. Говорила она с трудом, будто язык не слушался, а звук шёл откуда-то из грудной клетки.

— Да, — чужим голосом отозвался Комаров, и принялся проверять, всё ли на месте.

— Жена домой не пустила? — осведомилась уборщица.

— Нет, — вздохнул старик. — Дома нет. За долги отняли.

— Понятно, — сочувственно ответила она. И, подумав несколько секунд, добавила. — В подъезде ночевать холодно, замёрзнете. Лучше найдите пустующий дом или дачу. Их сейчас много.

Он не сразу понял, почему она не уходит, пока не разглядел у её ног ведро и швабру.

Старик дал девушке вымыть лестницу, а сам пытался припомнить, как давно видел в своём подъезде уборщицу? Мыли тут нечасто, но жильцы хлам на площадках не хранили и кошек уличных не прикармливали. Только помутневшие за полвека окна выдавали солидный возраст их дома. Но если он останется тут жить, пусть даже только ночевать на чердачной лестнице, этот хрупкий порядок нарушится. И наверняка через неделю-другую бывшие соседи попросят его уйти.

Над городом висела морось. Старик поёжился, размышляя, где бы ему примоститься на завтрак. Он спустился к магазинчику, который открывался в семь утра, купил буханку ещё тёплого хлеба и полез в гору.

Городишко, где он жил, уютно разместился в живописной долине, выходящей к морю. Будто снег, дома сходили с холмов, заметно уплотняясь и повышая этажность в бухте. А по краям прятались среди фруктовых деревьев одноэтажные домики и дачи, в которых, рассуждал старик, наверное, зимой никто не жил. К тому же на периферии тут и там встречались замороженные стройки, которые при большом желании тоже можно осваивать.

Старик уселся на мшистый камень на вершине холма, мимо которого ради моциона частенько проходил погожими вечерами. Отсюда просматривался весь город со всеми его пустующими дачами и недостроями.

В гору Игорь Иванович, конечно, шёл не только для наблюдений. В новой жизни знакомые мелочи приобрели особую важность. Он не мог привыкнуть к открытому космосу и цеплялся за любую привычную малость, способную хоть на миг успокоить душу.

Ночь в подъезде давала о себе знать. Открывая ножом банку сайры, старик жалел, что никогда в жизни не занимался туризмом. Будь у него палатка и спальник, было бы чуточку проще. Он не знал, можно ли перезимовать в палатке. Но, по крайней мере, он не спал бы на ступеньках, из-за чего у него теперь ломило всё тело.

Вскоре мысли его вернулись к насущным вопросам. Старик подумал, что ему следовало бы найти товарищей по несчастью. Время от времени ему встречались бездомные, но он брезгливо отворачивался, замечая на себе их взгляды. Иметь дело с попрошайками, собирающими деньги на водку, ниже его достоинства.

Несколько раз он видел бомжей на пустыре недалеко от дома. Там вдали от любопытных детских глаз пряталась в зарослях колючего кустарника облупленная скамейка. Игорь Иванович слабо представлял, о чём с ними говорить, но решил, что в его положении их опыт может оказаться полезным. К тому же он вряд ли обойдётся ему дороже бутылки водки.

Засиживаться за размышлениями старик не стал. Он тщательно вытер консервную банку хлебной корочкой, вытер нож, спрятал хлеб и выдвинулся на поиски. Искать бомжей, решил он, нужно до того, как они опохмелятся и обратно впадут в спячку.

На пустыре у небольшой дубовой лесопосадки на лавочке дружно сидели три мужика пенсионного возраста. Их разговоров Комаров не слышал, но по характерным движениям понял, что они выпивают. Старика несколько смутил их внешний вид, один носил потёртую кожаную куртку, выглаженные брюки и клетчатую кепку. Двое других одевались скромнее, но выглядели вполне ухоженно.

Прежде чем три товарища обратили на старика внимание, он простоял рядом с ними несколько минут.

— Вам что-то нужно? — заговорил басовито тот, что был одет в кожаную куртку.

— Да вот, — замялся Комаров, — спросить хотел. Но я, наверное, не по адресу.

— Что такое?

— Да я хотел узнать, вы не на улице живёте? — проямлил старик, глядя под ноги.

— Здесь, вот на этой улице, — ответил тот, — а что вас интересует?

— Нет, вы не поняли, — Игорь Иванович остановился, размышляя, как лучше сказать, — я говорю о доме. Вы же дома живёте?

— Дома, — хором подтвердили три товарища.

— А ты, — с запинкой снова начал тот, что поприличнее, — на улице что ли оказался?

Старик кивнул.

— Жена выгнала? А то, вон, Только постоянно жена выгоняет, — он кивнул головой на мужика, сидящего у края скамейки.

— Нет, — выдохнул Комаров. — Квартиру за долги отняли.

— Так что ж, податься некуда?

— Некуда, — повторил старик, глядя в землю, — вот и хотел спросить, как жить на улице. На этой лавке иногда бездомные сидят.

Мужик в кожаной куртке осмотрелся, будто примеряя к себе сказанное. Потом осмотрел скамейку: она была старая, сверху донизу исцарапанная, расписанная похабными рисунками и надписями. Землю вокруг скамейки ровным слоем покрывала шелуха от семечек, окурки, битые стёкла. Рядом громоздились пустые бутылки. Тары здесь стояло больше, чем в любом магазине — нигде поблизости её не принимали. Чуть дальше по тропинке в густой тени деревьев на чёрной земле валялись шприцы. Там собиралась молодежь, с которой у мужиков, любящих накатить на свежем воздухе, общего языка не было.

— Выпьешь? — обратился он к старику.

— Нет, спасибо, не пью.

— Трезвенник? — спросил мужик с вызовом.

— Здоровье не позволяет, — соврал Комаров, не желая спорить.

— Понятно, — мужик пожевал губами папиросу. — Знаешь, что. Сходи-ка в магазин, принеси флакон, а мы пока придумаем, куда тебя устроить.

— Хорошо, — ответил старик, и пошёл, автоматически повинувшись этой простой просьбе, как сомнамбула, но сделав несколько шагов, обернулся. — Вас как звать-то?

— Я — Гена, — сказал мужик в кожаной куртке, — это — Степан, а он — Толя.

— Очень приятно, а я — Игорь.

Мужик кивнул и тут же повернулся к своим товарищам, будто ни в чём не бывало. Отчего-то Игорю Ивановичу казалось, что они смогут ему помочь. И уж если не сдадут комнату на продолжительное время, хоть на несколько дней у него появится крыша над головой. Он торопился в магазин, боясь, как бы они не разбрелись по хатам, пока он бежит.

Но мужики никуда не делись. К его приходу они приговорили свою бутылку и с нетерпением ждали продолжения. Когда старик вручил им спиртное, они были готовы его расцеловать и стали разговаривать с ним так, будто всю жизнь его знали. Правда, пьяную речь старик разбирал с трудом. С их слов он понял, что они дружили со школьной скамьи. И если бы их противные жёны не запрещали им играть в шахматы дома, они ни за что бы не сели на эту облезлую скамейку.

— Кстати, — сказал Гена пьяным голосом, — я обо всём договорился. Ты сегодня заночуешь у Толи.

Дальше ситуация начала стремительно ухудшаться, поскольку пьянели мужики гораздо быстрее, чем Игорь Иванович себе это представлял. Степан заснул прямо посреди разговора, а Гена и Толя внезапно стали о чём-то ожесточённо спорить. Суть их спора всякий раз ускользала от Комарова, поскольку они постоянно перескакивали с одной темы на другую. И старику казалось, что они вот-вот подерутся.

Вскоре Толя стал клевать носом и оседать на лавочке. Гена тормозил его всякий раз, но бодрость духа оставила товарища, и мужчины решили дойти до Толиной квартиры. Стёпа так крепко спал, что ни одна попытка привести его в чувства успехом не увенчалась. Но к удивлению Игоря Ивановича, которому взвалили на плечи раненного нарзаном товарища, ноги переставлять Стёпа мог даже во сне.

Толя жил в трёхэтажном каменном здании послевоенной постройки с гнилой жестяной крышей и низкими потолками. Изначально здесь были коммунальные квартиры с удобствами на улице, но постепенно жильцов расселили и возвели коммуникации, а стояки смонтировали по внешней стене дома. Фасад не облагородили, и на торце дома вырос уродливый чугунный цветок. Ванну и унитаз ставили прямо в кухнях, огораживая их мутной полиэтиленовой шторой.

У двери компанию встретила полная женщина в застиранном до дыр халате и с порога набросилась на мужиков.

— Опять нажрались, скоты! — заорала она, стоило им войти. — Ты что, паразит такой, наделал? — вцепилась она в мужа.

Но глаза у Толи уже слипались. Он прошёл в комнату, не разуваясь, плюхнулся на диван и захрапел. Стёпу посадили на стул в прихожей — его никакие крики не пугали.

— За что мне опять такое горе! — причитала женщина. — Две недели не пил! Какого чёрта вы его напоили, а? Ну он, понятно, дурак, не может сдержаться, но ты-то должен головой думать, а? — Кричала она Гене, который сам еле-еле держался на ногах.

— Да это не я. Тут вот, у мужика проблемы, ночевать негде, пустишь его к вам? — говорил он извиняющимся тоном. — А я пойду.

— Так это ты, сволочь, напоил их?! — обратилась она к Игорю Ивановичу.

— Нет, — замотал головой Комаров, — когда я пришёл, они уже были пьяны.

— Ты, главное, не сердись, Тамара, а? — Гена вынул из кармана куртки недопитую бутылку водки и протянул её хозяйке. — Пустишь его переночевать?

— Какой переночевать?! — разъярилась ещё сильнее хозяйка. — Здесь тебе постоянный двор что ли?! Отель пятизвёздочный?! Горь-то какое, а! Раньше собак домой приводил, теперь ещё и людей начал, — она замолчала, всхлипывая без слёз. — Что мне с ним делать, а? Сколько он под капельницей пролежал в прошлый раз.

Гена смотрел на неё мутными глазами безо всякого выражения.

— А с этим что? Ты думаешь меня здесь одну с чужим человеком оставить? А вдруг он душегуб какой, а? Вдруг он выставит здесь всё, или подожжёт дом к чёртовой матери, а?

— Да какой подожжёт, — заскрипел Геннадий, — видишь же, приличный человек. Трезвый к тому же. Ты ведь трезвый?

— Трезвый ещё хуже! Пьяному-то что, свалился, где место нашёл, да и спи себе. А этого что, развлекать придётся?

— Ну, Тома, — заговорил Гена мягче, — видишь же, нормальный мужик.

— Так, — отрезала она, — этого занесите в комнату. А ты на ночь останься, как договорились, но завтра же чтоб духу твоего здесь не было!

Мужчины послушно занесли пьяного товарища в комнату, усадили его в потрёпанное кресло и вернулись в коридор.

— Ты не сердись на неё, она баба не злая, отойдёт, — сказал Геннадий, пожимая Комарову руку.

Игорь Иванович уселся на стул в тесной прихожей и крепко задумался. Иметь дело с пьяницами ему больше не хотелось, равно как с их жёнами, хотя гнев Тамары он прекрасно понимал и про себя даже оправдывал. Она не знала, как долго её супруг теперь будет пить и выйдет ли он вообще из запоя. С виду он вроде не буйный, но как он поведёт себя дальше, старик не представлял.

Голоса в квартире стихли. Где затаилась хозяйка, Игорь Иванович не знал, поскольку из коридора видел только вход в комнату, где заливисто храпели два пьяных товарища. Иногда сквозь их храп до слуха долетали звуки телевизионной программы из-за стены. Где-то в подъезде слышался детский щебет и смех. «Страшно представить, как тут живут дети», — подумал Комаров. Он не знал обстановки в других семьях, но Толина квартира своим убожеством навевала на него тоску. В иных условиях он ни за что бы сюда не зашёл. Сверху донизу она пропиталась пылью, в углах висела грязная паутина. Кое-где обои отклеились и начали сворачиваться. Потолок казался серым. На стене висели старые сайгачьи рога.

В коридор хозяйка выглянула только через сорок минут. Игорь Иванович по-прежнему сидел на стуле, облокотившись на свою сумку. Пройти ему никто не предлагал, поэтому он остался в прихожей, думая, что коротать ночь на этом стуле лучше, чем спать на холодных ступенях.

— А тебе что, особое приглашение нужно? — прикрикнула на старика хозяйка.

Комаров тут же встал, поставил сумку на пол, кинул на неё куртку, сложенную вдвое и разулся, хоть это было ему и неприятно.

— Куда мне можно пройти? — спросил он, не глядя в её сторону.

— Куда хочешь, — вздохнула она.

Старик прошёл в комнату, куда недавно они отнесли Степана с Анатолием. Кроме потрёпанного дивана в ней ютились два кресла и стол. Игорь Иванович забрался в кресло с ногами, опустил голову на правое плечо и задремал. Сквозь сон он слышал, что приходила какая-то женщина, судя по всему, жена Стёпы. Ругалась, причитала, но мужа будить не стала. Поговорила на пороге с хозяйкой, да и ушла восвояси.

Проснулся Комаров ещё засветло. Утренний туман превратился в сплошную пелену облаков, без единого просвета. Старик смотрел в грязное окно и не мог представить, который сейчас час. Хозяйка в кухне гремела кастрюлями, что-то напевая себе под нос, но дальше одной-двух фраз песня у неё не складывалась. В квартире воняло варёной капустой. Запах еды неприятно раздражал старика, навевая ему одновременно и голод и брезгливость. Ни за что бы он не согласился здесь обедать, но живот уже начинал ныть. Он помнил, что в сумке у него припрятана буханка хлеба и несколько консервов, но не хотел привлекать к себе внимания. Вдруг чего доброго хозяйка передумает, встретив его в коридоре, и выставит за дверь.

Осторожно он подтянул кресло ближе к окну, чуть-чуть отодвинул посеревший от времени тюль. Краска на окне растрескалась и слезла островками, кое-где проступавшее дерево уже почернело. От постоянной сырости подоконник прорезали длинные трещины, щеколда не попадала в проушину, из щели тянуло холодом. «Не хватает дому мужской руки», — вздохнул про себя Комаров.

Он посмотрел на спящих мужчин. Наверное, нет ничего удивительного в том, что они пьют. Жизнь пошла прахом, производства закрылись, денег нет, работы, скорее всего, тоже. И уже не будет. Впереди одна только нищая старость. Ни высоких целей, ни больших надежд, ничего.

«И жёны их, наверное, давно уже перестали бороться с жизнью. Взять ту же Тамару: баба она боевая, спуску никому не даст. Да и видно, что силы у неё ещё есть, а в доме всё равно бардак, грязь, пыль. Оно, понятно, безденежье, но не из-за денег люди наводят дома порядок, — размышлял старик. — Интересно, у них есть дети?».

Игорь Иванович просидел в кресле до темноты. Его мучила жажда, он хотел в туалет, но с кресла не поднимался, боясь попасться хозяйке на глаза. Долгое время она шумела на кухне, потом всё стихло. Куда она делась, он не знал. Наверное, в квартире была ещё одна комната. Через какое-то время ему удалось, наконец, заснуть. Засыпая, он подумал, что ему потребовалась одна холодная ночёвка в подъезде, чтобы познать цену теплу и самому малому уюту.

К утру проснулся Толя. Он лежал лицом в диван и барагозил, громко звал жену, матерился на весь дом. Говорил он медленно, глухо, словно ночью ему зашили рот. Моментами слова превращались в одно только тревожное мычание.

— Что, свинья, опять обоссался! — заорала Тамара, включая свет.

В ответ он только нескладно загудел.

Она влетела в комнату, стащила супруга с дивана и начала истерично колотить, куда только могла попасть. И ежесекундно бранила за испорченную жизнь. Била по-детски, пухлым ребром ладони, нетвёрдо сжимая кулаки. Толя изредка охал, когда она попадала по лицу, но воровался под градом её ударов нехотя, как огромный неуклюжий морж.

Понимая, что не может причинить супругу никакого вреда, Тамара резко метнулась на кухню. Старик почуял неладное, и решил, что пора убираться отсюда подобру-поздорову. «Едва ли она побежала за ножом, — думал он, выскакивая в коридор, — но принести может что угодно, да и врезать любому из них. Чёрт знает, что у неё на уме». Стёпа тоже открыл глаза, но сидел молча, чтобы ненароком не схлопотать за компанию.

В три шага Комаров спрыгнул с лестницы, выскочил на холодную улицу и засеменял прочь. Добежав до городского парка, он плюхнулся на лавку отдышаться и дал себе зарок никогда больше не связываться с алкашами. Только на первый взгляд кажется, что они мало берут за постой. В стоимость их услуг входит неопределённость, которая в любой момент может обернуться катастрофой. А на хорошее жильё денег у него не было.

Игорь Иванович был из той стеснительной породы людей, которые совершенно не отстаивали свои права. Если кто-то лез поперёк Комарова без очереди, он никогда не ставил наглеца на место. Себя он убеждал, будто ругаться — привычка базарной бабы, а мужчине нужно мол-

чать. Типа, дай дураку дорогу, как сказал ему однажды таксист. С недоумением и злобой он смотрел на дерзкие выходки людей, думая про себя, что никогда не смог бы так же. Но теперь он понимал, что ему самому следует стать эдаким «дураком», в противном случае природная робость сведёт его в могилу. Поэтому старик решил, что вариант у него ровно один: заселиться в недостроенный дом, никого не спрашивая, а там, глядишь, подвернётся какая-нибудь работа с общежитием или ещё лучше вахта. Две бессонные ночи прибавили ему решимости.

В то же утро Игорь Иванович прогулялся вдоль трассы на въезде в город, где в последние годы вырос дачный посёлок. С развалом СССР его самовольно застраивали приезжие. Властям не было никакого дела до того, что происходит на выселках, и строили там как бог на душу положит, отгрызая себе столько земли, сколько могли обнести забором. Улочки получились кривые, дома стояли как попало и по большей части далеко друг от друга. По качеству кладки в их стенах можно было изучать хронику экономического кризиса. Цоколь клали из хорошего кирпича, дальше в ход шли материалы подешевле, а вторые этажи достраивали из того, что находили на ближайшей стройке. На некоторых участках строительство так и не началось, за заборами беспризорно мокли под дождём огромные арболитовые плиты. Кое-где в раскопанных котлованах круглый год стояла вода.

Со всей этой цыганской пестротой соседствовали вполне благополучные участки. А чуть дальше прятались за высоченными каменными стенами, увенчанными колючей проволокой или битым стеклом поверх оголовка, двух и трёхэтажные особняки. С дороги вся эта благодать выглядела пустующей, правда, в первом же проулке нашлись и жильцы, и машины.

Побродив вокруг, старик заметил подходящий дом. Строители очень хотели довести дело до ума, закрыли тёплый контур и даже опалубку пустили на забор. Но, видимо, стройка не уместилась в бюджет, поскольку никаких следов обитаемости с дороги Игорь Иванович не разглядел. И напротив, покосившиеся столбы, успевшие местами порядочно подгнить, грязные окна без занавесок, строительный мусор на участке — всё говорило, что участок пустует.

На заднем дворе нашёлся ещё один вход. Временная дверь оказалась не заперта. Старик повернул ручку и оказался в просторной комнате с большим окном, выходящим вбок. Под окном торчали трубы отопления, чуть поодаль — заглушки для мойки. Канализационную трубу строители заткнули скомканным бумажным пакетом из-под цемента. Стены выравнивали начерно, к заливке полов ещё даже не готовились.

Он медленно осмотрелся. Коридор, соединяющий кухню с остальной частью дома, скрывался во мраке. В нём удалось различить только проём в санузел, который слабо освещался из кухонного окна. За ним старик нащупал несколько дверей, упакованных в пыльные полиэтиленовые чехлы, и длинные козлы, которые штукатуры оставили здесь до лучших времён. Сколочены они были грубо, но на них вполне можно было спать.

Игорь Иванович приткнул под них свой нехитрый скарб, а сам лёг сверху. «Чтобы тут жить, — размышлял он, — нужно решить массу проблем, например, придумать отопление. Можно, конечно, буржуйку топить. Но, во-первых, её где-то нужно достать, во-вторых, нужны дрова, в-третьих, дым будет виден соседям. Вода в доме, скорее всего, есть, иначе трубы в стену никто бы не закладывал, но где и как её пустить? Непонятно. Если пустить её не получится, придётся носить. А родник далеко, и это опять же заметят соседи». Старик даже подумал, что можно наняться на какую-нибудь такую стройку, чтобы на ней ещё и жить.

Его беспокоила мысль, что он не сможет как следует постираться и будет выглядеть, как бродяга. Ни один приличный работодатель не возьмёт бродягу на работу. А с работой в стране и так напряжёнка.

Комаров почувствовал себя Робинзоном, и от этой мысли на душе стало тоскливо и гадко. Он понимал, что в его положении раскисать нельзя, но прогнать болезненные чувства не получалось. Лёжа на козлах в недостроенном доме или в подьезде на лестнице, приятно

себя жалеть, но чувство космического трагизма на этот раз отступило под напором острого желания вернуться к нормальной жизни.

Ночь прошла беспокойно. Во-первых, ветер беспощадно задувал во многочисленные щели, и старик постоянно мёрз. Во-вторых, что-то вокруг постоянно скрипело, шуршало, дрожало, стучало. Жуткое липкое чувство терзало незваного постояльца. На его новой улице не горел ни один фонарь.

Проснулся Игорь Иванович очень резко, будто его ударило током. Он поднял голову, прислушиваясь, во сне ли у него хлопнула дверь или наяву где-то у соседей. «Было бы странно, если бы хозяева объявились именно сегодня», — подумал старик, разлепляя глаза. Но только он опустил голову, как услышал голоса. Сначала говорили двое, потом до его слуха донёлся ещё третий голос, ровный и быстрый, словно кто-то включил радио.

Старик медленно слез со своей постели, стараясь не произвести ни единого звука, засунул в сумку пропылённое одеяло, застегнул её и прислушался. Какое-то время было тихо, но стоило ему выдохнуть, как совсем близко скрипнули дверные петли и звук радиоприёмника стал отчётливее. Комаров на цыпочках прокрался по коридору мимо санузла в темноту. Сквозь мрак он разглядел за упакованными дверными полотнами ещё одну дверь. Звук доносился оттуда, и, судя по отдельным фразам, люди, внезапно приехавшие, собирались жить здесь постоянно.

Мужской голос вдруг донёлся до него не из-за двери, а откуда-то сзади, из окна. Он запаниковал, метнулся за сумкой, и ошоломился. Сквозь мутное стекло он увидел высокую мужскую фигуру в серо-синем фартуке. Мужчина стоял к нему боком, разглядывая что-то на земле, и присутствия постороннего не замечал. Ничего не соображая, старик медленно поднял сумку, как можно тише отошёл и укрылся в темноте санузла.

Просидеть в засаде пришлось целую вечность — минут тридцать или сорок, пока хозяина дома не пригласили обедать. За это время он успел занести в недостроенную кухню несколько мешков сухой шпатлевки, плиточный клей, три коробки плитки, унитаза. Всю поклажу он складывал у стены, переводил дыхание и возвращался к машине. Всякий раз старик боялся, что хозяин решит что-нибудь занести в санузел и обнаружит его там. Но этого не случилось.

Когда хозяина позвал сын — парень старшего подросткового возраста, — наступила спасительная тишина. Голоса переместились в коридор, к ним добавился ещё один женский голос. Запахло едой, но чем именно старик не разобрал. Он выждал несколько минут, осторожно огляделся и пустился наутёк.

В сознание Игорь Иванович пришёл не сразу. Он вдруг обнаружил себя, хлюпающим под мелким дождиком в пятнадцати минутах ходьбы от своего ночлега. Ощущал он себя как заяц, который случайно выскочил из петли. Ноги сами собой чапали по лужам, руки грелись в карманах, глаза смотрели под ноги, но ничего не видели. Положим, на этот раз он спасся, но облегчения не наступило. Капли дождя ползли по уставшему лицу: «Может быть, пора уже оказаться в супе?» — подумал Комаров, смахивая воду с бровей.

Теперь его подгоняла утрата надежды. Ещё недавно казалось, что и в его положении можно где-нибудь притулиться, перекантоваться, перезимовать. Теперь он не ждал ничего хорошего. В лучшем случае он проживёт пару лет. И даже не проживёт, а пробарахтается, пока не сдохнет где-нибудь под забором от воспаления лёгких. И если сейчас тяжело, хотя у него ещё оставались кое-какие деньги и еда, что будет дальше, когда их не останется?

Был бы он молод, была бы работа. Пусть самая простая — на стройке раствор замешивать — с его недооформленной инвалидностью и того не светит. Как-то раз он слышал рассуждения двух грузчиков, что после сорока им светит только в охранники податься. А ему податься некуда. Какой из него охранник? Он бы помощником на мусоровоз устроился, да не взяли. Он бы лом строительный сортировал, но его перестали вывозить. Зачем, если можно на соседний участок вывалить?

Вернувшись в город, старик перевёл дух в беседке детского садика: там была единственная сухая лавочка, которую ему удалось найти. Сперва он подумал, что сюда можно вернуться на ночлег, если ничего не подвернётся, но быстро понял, что замёрзнет здесь ночью. К тому же по вечерам тут собиралась молодёжь, едва ли они станут терпеть его общество. Наконец, по утрам здесь гуляли дети, а им совестно попадаться на глаза.

Прожевав краюшку хлеба, Комаров постепенно успокоился. Для счастья ему не хватало сладкого чёрного чая и тёплой воды умыться. Да где ж её взять? Не дожидаясь, пока голова полностью высохнет, он поплёлся к роднику.

Игорь Иванович рассчитывал взбодриться и вышибить клин клином, однако зябнуть не перестал. Вдобавок ко всему от ледяной воды начало ломить пальцы. Он почистил зубы, наполнил бутылку и завернул в магазин. Голод преследовал его постоянно, но пока не слишком навязчиво. Остро он напоминал о себе лишь в спокойные минуты. А их у старика было в дефиците: к новой жизни привыкнуть он пока не сподобился.

Он не грешил на скудость пищи. По-настоящему его пугала мысль, что однажды он не сможет позволить себе и чёрствого хлеба. А ещё он боялся, что его банально могут ограбить.

Оглядевшись на пустыре, Комаров достал все деньги, которые у него были, бережно их пересчитал и разделил на три части. Третью оставил в кошельке и закопал в сумке среди вещей. Вторую часть положил во внутренний карман куртки. Третью долю запихал в носок — тут точно не найдут. С монетами оказалось сложнее. Они уродливо оттягивали карман брюк и громко звенели, особенно в ночной тишине. Поразмыслив, он рассовал их по разным карманам.

После обеда небо просветлело. Вылезло долгожданное солнце, и в мире затеплилась слабая надежда. Мошкара летала в солнечных лучах. Опять загомонили по дворам школьники, а к вечеру пенсионеры подтянулись к своим постам у подъездов. Игорь Иванович с тоской бродил по родным улочкам. Его время ушло задолго до злополучного пожара. Вместе с огромной страной обрушилось что-то важное в людях. Старые представления о добродетели вдруг лопнули, как мыльный пузырь. А их верные рыцари с каждым годом всё сильнее растворялись в узорах настенных ковров. Они уже давным-давно перестали быть уважаемыми людьми, заслуженными работниками, весёлыми ребятами. Оставалось только блюсти квартиры, которые после них достанутся нерадивым внукам.

На следующем месте старик продержался три ночи. Ещё в первый день он разглядел на другой стороне долины недостроенный дом с мансардой. Стройка давно простаивала, и он решил заглянуть туда. Всё выглядело так, будто строители одновременно в полном составе уволились, и за временным забором из профлиста всё осталось, как было в их последнюю смену. В подвале валялись лопаты, за домом горделиво стоял неотмытый миксер, прикованный цепью к подвальной решётке, рядом приросла к земле окаменевшая тачка, в которой перевозили раствор, и две новых двухсотлитровых бочки. В подвале лежали аккуратно сложенные штабелями окаменевшие мешки с цементом.

Игорь Иванович почуял неладное. Слишком уж много добра осталось тут без присмотра, хотя с других строек народ гнутые гвозди тянул. Он решил, если его здесь вдруг обнаружат, скажет сторожам, что он строитель и заглянул посмотреть на интересный дом в поисках работы. Но ни через полчаса, ни к вечеру никто не появился.

Ещё его беспокоило, что по какой-то причине местные хулиганы обошли этот дом стороной. Здесь не нашлось ни матерных надписей, ни похабных рисунков на стенах. Даже в подвале, насколько позволяло стариковское зрение, он не разглядел никаких следов шпаны. На ум шли самые жуткие объяснения, например, дом принадлежал начальнику милиции, или в этих стенах кого-нибудь убили. А дело в том, что хозяин этого дома, перспективный и не очень законопослушный делец, раньше срока нашёл свою смерть от рук конкурентов. Иные аргументы на его жестокую принципиальность не действовали. Но всё это было далеко отсюда, он тут дачу

строил. И громы его споров за хорошую жизнь с такими же хищниками, как и он сам, здесь были не слышны. Но от греха подальше люди сюда не совались.

Строители успели возвести коробку и даже приладили кровлю — синюю металлочерепицу, готовились вставить окна и двери, как до прораба дошло, что им не заплатят, и он увёл бригаду в полном составе. Внутренние стены поставить не успели, поэтому ночью, когда поднялся ветер, старик обнаружил, что укрыться от него можно только в подвале. Но там от выпавших дождей стояла вода.

Кое-как уместившись на мешках с цементом, Комаров переночевал, но к утру зарёкся найти новый дом. Тем более тут и магазинов рядом нет, и до родника идти долго, и вещи нельзя оставить — ни одной двери в доме нет.

Целый день Игорь Иванович нехотя бродил по округе, но не нашёл поблизости ни одного варианта. Он забирался выше в гору, домишки тут становились один хуже другого. Но даже на самых убогих дворах тлела жизнь, хотя ни одной живой души старик не встретил. Там огородик разбит, там птица ходит, там виноградик подвязан, хотя стёкла в избе треснули, тут москвич старый капот раззявил, и видно, хозяин на минуту отошёл. Походив от забора к забору, Комаров вернулся в тот же бандитский дом. Он собрал на участке щепу, бруски и доски, посбивал с них застывший бетон и затеплил костёр в подвале, чтобы разогреть тушёнку. Сосна горела нехотя, старик непрестанно следил за огнём, но за работой согрелся и немного отдохнул от тяжёлых мыслей.

На следующую ночь в тот же дом его вынудила вернуться шпана. С утра Игорь Иванович отправился к роднику, а после — на поиски нового приюта, не поддаваясь сентиментальному порыву погрузиться о жизни в парке. Он обошёл несколько заброшенныхстроек, но в каждой из них уже успели завестись новые хозяева. Везде он находил битые бутылки, пакеты с клеем, смятые баклажки из-под пива, росписи на стенах. Он знал, что подростки далеко пойдут, защищая от чужака свою вотчину. Здесь не песочница, и даже не генштаб для шалостей. Здесь убежище. Пристанище для тех, кого никогда дома не поймут. Если бы они тут только раскуривались, никто бы за эти холодные стены не держался. Здесь они прятали жизнь, которую нельзя было вынести в люди. А просто так своё богатство никто не отдаст.

На одной стройке старик наткнулся на нескольких чумазных подростков. Он ещё с улицы понял, что лезть в эту заброшку не стоит, слишком уж она хороша для одинокого старика. Но снаружи всё выглядело прилично, даже дверь оказалась заперта.

Комаров втиснулся в низенькое окно цокольного этажа и очутился в огромном подвале. Хозяева, судя по всему, планировали разделить дом на несколько обособленных квартир, но стройку не сдружили.

— Тебе чего, дядя? — встретил Игоря Ивановича насмешливый взгляд подростка. Он был низкого роста, худющий, лохматый, одетый в залатанную старенькую кофту и короткие вельветовые брючки. На вид ему было лет двенадцать, но манера держаться, папироса в мундштуке и то, как он мастерски плюнул сквозь щербину в передних зубах, выдавали в нём человека бывшего.

— Да я это, — начал старик, запинаясь, — на стройку хотел посмотреть. Как тут что устроено.

— Нечего тут смотреть, — ответил парень и переглянулся со своими товарищами.

— Да, пожалуй, — он хотел было уже вылезти наружу, но вдруг обернулся и с надеждой в голосе спросил. — Есть где-нибудь поблизости пустой дом? Переночевать негде.

— Не-а, — протянул ломающимся голосом другой мальчишка, — нигде нет. Всё занято. Там у гаражей Колька живёт, к нему иногда можно попроситься.

— Дурак, — перебил его третий, — к Кольке нельзя. Он только своих пускает и то за бутылку.

— Сам дурак, — начали препираться юнцы.

— Ну, это мне не подойдёт, — вздохнул Комаров. — Ладно, будьте здоровы.

Из подвала до окна старик не смог допрыгнуть. Мучительно долгую минуту он пытался на него как-то вскарабкаться, пока ему, наконец, не показали выход. Они вставляли в щель между блоков фундамента специальную дощечку и по ней выбирались. Через дверь никто не ходил, чтобы не палиться.

Комаров поплёлся обратно несолоно хлебавши. Он хотел осмотреть ещё несколько хат на этой улочке, но решил, что на сегодня приключений достаточно. Бывшие октябрюта его пока не били, но он и представить не мог, на что они способны. Он понимал, что делить с ними одну крышу не получится, но и в то, что для него не найдётся места, не поверил: не наберётся, в самом деле, в их городке столько детей. По дороге он даже решил, что и сейчас неплохо устроился, по крайней мере, на темечко не капает, а ветер можно и перетерпеть.

Однако проснулся Игорь Иванович с совершенно другими мыслями. Случилось самое дурное из всего, что могло произойти: он простудился. Температуры по его ощущениям не было, но горло болело так, словно он накануне проглотил кинжал. Сначала он испугался, что подхватил ангину, но через полтора часа боль заметно ослабла. Как назло влажным утром костёр гореть не хотел: всё пригодное в растопку на участке он уже сжёг, сухих дров поблизости не нашлось. Вдоль дороги рос кустарник, но сырые прутья не разожжёшь, а груши, шелковицу и грецкий орех глупо обламывать на дрова. Чего доброго ещё и хозяева побьют.

Старик сложил вещи и спустился в город. Сердце нервно билось где-то в шее, он понимал, что ему необходимо в кратчайшие сроки найти человеческое жильё. Он вышел на тихую улочку к общежитию, обошёл котельную и детский сад и оказался в тихом проезде. Здесь жались один к другому старые домики, заросшие плющом и диким виноградом. Сорок минут ходил Комаров вперёд и назад по раскисшей просёлочной дороге, соображая, видит ли его кто-нибудь, но за всю эту вечность ни один прохожий не попался ему на глаза.

Игорь Иванович влез в крайний двор у самого тупика. Ворота здесь настолько густо поросли вьюном, что открыть их было уже невозможно, благо на другой стороне участка, у дороги, ведущей к заброшенному цеху, нашлась щель в заборе. Давным-давно тут жила пожилая семейная пара. Их сын, офицер, служил на флоте, и в родной дом возвращался только в отпуске.

Комаров не знал, живёт ли здесь кто-нибудь сейчас, он шёл наудачу, и предчувствие не обмануло его. Он долго мялся, прежде чем войти в дом. Пусть шапочно, но он знал этих людей. И ему было бы стыдно смотреть им в глаза, узнай они, что он самовольно заселился в их дом. Но прошло время кокетничать.

Участок давным-давно разграбили. Дверь сняли с петель и бросили перед входом, внутри валялся мусор и обломки стульев. Уцелела только старая печурка на малюсенькой кухне, но ей старик обрадовался как ребёнок. Первым же делом он развёл огонь, уселся перед ней на сумку и стал отогревать озябшие руки. Согревшись, натащил домой со двора дровяшек, прикрыл вход старой дверью, разложил у тёплой стены нехитрые пожитки.

Улечься на печке у него бы не получилось, но дымоход змеёй тянулся внутри стены, и вскоре вся она прогрелась. Старик поставил на ржавую конфорку банку с тушёнкой, поджарил над огнём позавчерашнюю краюшку серого хлеба и стал есть. Горло отзывалось болью на каждом глотке, но он жадно вбирал в себя тепло.

После еды Игорь Иванович прислонился спиной к тёплой штукатурке и, наконец, расслабился. Он понимал, что дым от его печи хорошо виден с обеих дорог и соседних участков. Вполне вероятно, в общежитии уже поняли, что на их улице появился новый жилец. Может, уже сейчас к нему собирается хлебосольная делегация. Но куда его никто не гонит, он не хотел уходить и до темноты просидел неподвижно.

К ночи поднялась температура, начало знобить. Старик обломал во дворе кипарис и выложил из его веток себе лежанку. Спалось тяжело. Он сильно растопил печь и ворочался,

мучаясь от духоты. Свежий воздух в дом просачивался слабо, за окном выдалась редкая тёплая ночь. Сквозь пропылённое окно в комнату тихо заглядывали звёзды. Ветер молчал, ни один куст не шелохнулся в саду. И оттого старик просыпался от каждого шороха.

Утром он осмотрел комнаты. Оказывается, в прошлом здесь квартировали такие же бедолаги, как и он сам. В дальней маленькой комнатухе сохранилась лежанка, сложенная из старого тряпья, валялся мусор, пустые бутылки из-под водки. Ушли они давно, судя по слою пыли, которым покрылись их пожитки. «Интересно, — подумал старик, — что заставило их уйти?».

А вот привычных «здесьбылвась» Комаров нашёл не сразу. Вместо угля или маркера тутошний художник воспользовался гвоздём, из-за чего надписи и художества в глаза не бросались. За исключением разбитой форточки, стёкла остались на месте. Он заткнул пустую створку ветошью и вышел осмотреться.

Рядом с домом стоял почерневший от времени сарайчик. Когда-то в нём держали инструмент, а сейчас не осталось ничего кроме груды бесполезного хлама. Изучив её обстоятельно, старик выудил оттуда большую эмалированную кружку, испещрённую мелкими трещинами, и такой же старенький таз, подёрнувшийся ржавчиной там, где отходила краска, а также подгнившие, но пригодные в растопку деревяшки.

За углом к глухой стене жалась ржавая бочка до краёв заполненная дождевой водой. Вода в ней для питья не годилась, но Игорь Иванович решил выловить из неё листву и как следует прокипятить — умыться-постираться и такой хватит. С первого таза он, как мог, вымылся, а во втором застирал одежду и развесил её на улице.

Кроме чёрствого хлеба еды у него не осталось, и вода питьевая почти вся вышла — с такими запасами долго не продержишься. Деньги тратить не хотелось, но старик понял, что теперь у него, наконец, появилась крыша над головой, можно искать заработок. Одна возможность как будто налёвывалась сама собой: в приморском городе сам бог велел удить рыбу. Комаров никогда рыбалкой не промышлял и снастей не держал, но постоянно видел рыбаков на пристани. Наверное, рассуждал он, у них можно леской с поплавком разжиться и поспрашивать заодно, как и куда они продают улов. Пусть и малая, но копеечка. А если не на продажу, так для себя что-нибудь поймать можно.

Он стал собираться за продуктами и долго соображал, как ему спрятать пожитки. Кроме денег никаких ценностей у него не водилось, но и лишних вещей он с собой не брал. Любая потеря больно ударила бы по его бродячему быту. Но больше всего он жалел, что не взял с собой чайник, чтобы не утяжелять поклажу. За всю свою бродячую жизнь он ни разу не выпил чаю.

Старик оставил на местах влажные вещи, дождался, когда в печке прогорят последние дрова, взял сумку и вышел на улицу. Он крался по тенистым переулкам, озираясь, будто вор, пока не оказался на большой улице. В душе засела глухая тревога за оставленные без присмотра вещи. Несколько раз он останавливался и нерешительно переминался с ноги на ногу, борясь с желанием вернуться и как следует всё спрятать.

Сомневался он не напрасно. Кто-то сорвал с крючков и разбросал его одежду. Благо, вещи успели высохнуть, и грязи почти не собрали, только песок кое-где на мятую рубашку налип. Обратный путь отнял у старика все силы, и сейчас же искать новое жильё он не мог. Щёки и уши горели, голова раскалывалась, болело горло. Он развёл огонь в печке и снова прислонился к тёплой стене. Всего-то и нужно пару дней погреться, выздороветь, а после хоть на край света иди.

Ночь выдалась тревожной. Комаров долго не мог заснуть, прокручивая в голове, что будет делать, если в дом кто-нибудь ворвётся. До последних лет он ничего особенно не боялся — не было повода. Раньше соседи и двери на ночь не закрывали, было как будто незачем. И дети гуляли сами по себе. Последние годы по телевизору только и показывали что криминальные сводки, да сериалы про бандитов. Вот он и посмотрелся. Один раз он наткнулся на пере-

дачу, в которой следователи обращались к гражданам за помощью. На несколько секунд в кадр попала отрубленная голова человека, которого никто не мог опознать. Тело нашли на пустыре рядом с мостиком через городскую речку. Тогда всё это казалось чем-то невообразимо далёким, нереальным, а теперь вспомнил и никак не мог отделаться.

Несколько раз Игорь Иванович вскакивал на ноги и замирал, прислушиваясь к звукам извне. Один раз на чердаке скреблась кошка. Она будто нарочно топала как слон, носилась из угла в угол, прыгала по балкам. Другой раз ему показалось, что по улице кто-то ходит, шаркая ногами. Шшарк-шарк, шшарк-шарк. Старик вжался в угол. Потом ещё ближе шшарк-шарк, и стихло. На рассвете, когда что-то разбудило его в третий раз, он сложил вещи в сумку, чтобы не тратить время на сборы, если понадобится, и лёг досыпать.

Стариковский сон прервал звук бьющегося стекла. Что-то тяжёлое покатило по полу соседней комнаты, а следом разбилось окно над головой Комарова. Его засыпало мелкими осколками, он подскочил, не понимая, что происходит, и в ту же секунду в помещение влетела зажжённая петарда. Подскакивая на неровном полу, она с диким рёвом раскрутилась до бешеной скорости и взорвалась, обдав Игоря Ивановича и всё вокруг волной бледно-зелёных искр.

За окном послышался детский смех, улюлюканье, свист. В соседней комнате взорвалась ещё одна петарда, но на этот раз гораздо громче. От взрыва зашумело в ушах. Между первой и второй бомбой прошло, должно быть, не больше нескольких секунд, но Комарову они показались бесконечно долгими. Впопыхах он схватил сумку и выбежал во двор. На участке никого не было, мальчишки забрасывали дом со стороны глухого проулка. Он выбрался с другой стороны и помчался по дороге, не разбирая пути.

В себя он пришёл после того как нарезал солидный крюк по заросшим тропинкам вокруг огородов. В парке на лавочке обнаружилось, что в спешке он оставил в доме одеяло. Всею душой его овладела обида, замешанная наполовину на безмерном отчаянии: без одеяла больному человеку на улице не выжить. И старик заплакал не в силах взять себя в руки.

— С вами всё в порядке? — подошла к старику сердобольная пенсионерка в длинном фиолетовом плаще и вязаном берете того же цвета. Вокруг её ног на длинном брезентовом поводке носилась болонка.

— Да вот, — заговорил, утирая нос, Игорь Иванович, — одеяло потерял. Не знаю, как теперь быть.

— Тю, — выдохнула женщина. — Что же вы так расстроились? Пойдите на развал, что-нибудь там подвернётся. И недорого.

— Спасибо, — поглядел прямо на неё Комаров. — Я как-то не подумал об этом. — Ему стало неудобно, что он привлёк к себе внимание.

Конечно, волю слезам он дал не только из-за одеяла. Человек быстро привыкает к теплу, и за одну осеннюю ночь он сжился с мыслью, что почти одолел свою беду, а теперь всё нужно начинать заново. Что до одеяла — в гараже его бывшего работодателя лежало запасное, нужно только пойти и забрать.

Старик дошёл до телефонной будки и набрал нужный номер. Никто не ответил. Он обождал несколько минут и позвонил ещё раз, но цепь длинных гудков в трубке не прерывалась.

Коммерсант как-то обмолвился, что держит гараж в кооперативе «Кипарис», который находился рядом с прежним домом Игоря Ивановича. В нём было всего пару дюжин боксов, и те частенько стояли открытыми. Наверное, кто-нибудь там в курсе, где чей.

Нужный гараж Комаров нашёл сразу. Неподалёку от въезда у раскрытых ворот сидели на корточках два бритоголовых мужика. Они курили, плевали под ноги и что-то вполголоса обсуждали, изредка до старика доносился короткий едкий смешок одного из них. С первого взгляда Игорь Иванович заподозрил в них уголовников и замялся в нерешительности у соседнего гаража.

— Тебе чего, отец? — неожиданно окликнул его тот, что сидел ближе к нему.

— Да вот, — начал запинаться старик, — в этом гараже вещи мои остались, а хозяина найти не могу. Вы не знаете, где он живёт?

— Что за вещи? — строго спросил второй сиделец.

— Да так, ничего особенного. Одеяло нужно забрать. Знаете хозяина?

— Знаем, — ответил первый, поднимаясь. — Уехал он. Раз одеяло нужно, бери, — он залез в гараж и вынул ключ из замка зажигания. — Только быстро.

— Спасибо, — засуетился Комаров. — А скоро он вернётся, не знаете?

— Скоро-скоро, — произнёс тот с усмешкой.

«Обманывает», — подумал про себя старик.

Света внутри не было. Игорь Иванович бросился внутрь, лихорадочно соображая, как среди целой кучи похожих мешков и авосек найти нужный. Голова кипела от напряжения, ещё секунда, и бандиты передумают. Понятно, что никуда его бывший работодатель не уехал. Непонятно только, жив он или нет. Наверняка Комаров знал только то, что иного случая попасть в этот гараж у него не будет и ничего кроме одеяла ему взять не позволят. Досадовать не было времени, и в самый последний момент, когда за спиной старика уже раздался недовольный возглас: «Долго ты там?», — он нащупал в одном из мешков то, что искал.

В этот же день скромный и застенчивый Игорь Иванович угодил в участок. Возвращаться ему было некуда, и ни о чём не думая, ноги понесли его к старому дому. Он приземлился на лавочку во дворе и смотрел на свои окна. Казалось, с тех пор, как он съехал, там ничего не поменялось. Свет не горел. Когда иные люди начали уже отходить ко сну, Комаров поднялся на свой этаж и постучал в дверь. Сначала стучал деликатно и прислушивался, может, кто-нибудь откроет. Потом сильнее и сильнее, пока соседи не вызвали милицию. В отделении его продержали до утра. Дежурный, отдавая документы, извинился за то, что помочь старику не может.

Ночь, проведённая на неудобной скамье, помогла Комарову прийти в себя. Нервы шалить перестали, сошло на нет болезненное возбуждение и желание всё вокруг себя разломать. Снова появились одни и те же насущные вопросы: кров над головой, еда и питьё. Последнее время он питался из рук вон плохо, надеясь, что последствия скажутся не скоро, но теперь пустой желудок начинал болеть, да так сильно, что сидеть Игорь Иванович мог только скрючившись.

Вещей Комаров больше не терял, но с каждым днём его положение ухудшалось. Несколько ночей ему пришлось перебиваться по подъездам, а когда он решил снова попробовать переночевать в холодном бандитском особняке, на город налетел ураган. По ощущениям температура упала почти до нуля, дождь лил так сильно, что узкие улочки превратились в кипящие реки. Ветер заносил воду в оконные проёмы, она стояла на всех этажах. Среди ночи на провода упало дерево, и город погрузился во тьму. Всю ночь Игорь Иванович просидел без сна, тоскливо размышляя, что ждёт его на следующий день. Простуда не прошла, она опустилась в грудь тяжёлым глухим кашлем, хотя горло уже не болело.

Жара не было, но чувствовал он себя разбито, поспать удалось совсем немного. Как только закончился дождь, старик покинул холодную ночлежку и спустился в город. Утренние улицы выглядели мрачно, в низине осталась смытая с холмов грязь. Ветер гонял в лужах опавшие листья — деревья освободились от них досрочно. Всюду валялись обломанные ветки, каштаны и грецкий орех. Воздух был сырой и холодный, пахло морем.

Продавщицы скучали без света, покупатели в этот час заглядывали редко. Комаров купил кое-какие продукты и бутылку водки. Он понимал, долго на улице ему не протянуть. Нужно к кому-нибудь подселиться, а без взятки никто с ним разговаривать не станет.

Он добрёл до ветхого домика на окраине за гаражами, о котором ему рассказали малолетние хулиганы на стройке. Малюсенькая хата покосилась от времени. Стёкол в окнах не было: одно забили ржавым жестяным листом, другое затянули мутным полиэтиленом. Но над кровлей — из сколотой шиферной трубы курился дым, значит, хозяева дома.

— Можно? — спросил Комаров, стуча в дверь. Он легонько толкнул её, и она подалась внутрь.

— Кого там ещё черти принесли? — раздался голос изнутри. — Входи, чего ждёшь?

Старик нерешительно открыл дверь и замер на пороге. Вся комната была завалена мусором, ветошью, заставлена сверху донизу пустыми бутылками. Пол местами прогнил и провалился, обои пожелтели от старости. У стены стоял драный диван, в другой стороне хлипенький столик и две колченогие табуретки, сколоченные наскоро кем-то из обитателей дома. Хозяин, худой парень лет тридцати, лежал под бесформенной грудой тряпья и держался за голову. Он был болезненно бледен, на впалых щеках едва угадывалась жиденькая борода.

— Чем могу помочь? — спросил он, с мучением глядя на незваного гостя.

— Мне ночлег нужен, — поджал губы старик. Хоть им и руководило отчаяние, он не хотел проходить в этот гадюшник, не то чтобы тут ночевать. — И с работой нужна помощь.

— Вам в Офис нужно, — вздохнул Колька. — Там помогут.

— Как его найти?

— У Дома быта на остановке сверните налево в проулок, там первый угловой дом. На нём написано «Офис», не пропустите.

— Хорошо, спасибо, — ответил Комаров и закрыл дверь.

До остановки он дошёл быстро. С неё в прошлой жизни он каждый день уезжал на работу. Автобус только что отошёл, никого под козырьком не осталось, кроме столетней бабки. Он завернул в проулок и остановился: никаким офисом здесь и не пахло. Но не успел он выругаться про себя, как тут же мимо него прошёл крепкий мужчина лет сорока пяти в рабочей одежде. Не поднимая на старика глаз, он завернул в поросший кустарником двор.

— Ну что, бродяги, — услышал Комаров бодрый голос, — кто-нибудь хочет поработать сегодня?

Старик шагнул за ним, и за кустами увидел старый заброшенный домик, над входом в который чёрной красной было написано «Офис». Двор оказался пуст, только из разбитых окон доносилось чьё-то недовольное бормотание.

— Я хочу, — подоспел Игорь Иванович. — Что нужно делать?

Мужчина оглянулся:

— Траншея нужна воду в дом завести. Справишься?

— Запросто, — выпрямился Комаров. — Я на стройке работал, знаю, что к чему.

— Хорошо, — отозвался мужчина, — пойдём.

Они поднялись в гору, где в стороне от дороги развернулась большая стройка. Основная работа близилась к завершению: кровельщики осторожно ползали поверху, заканчивая последние монтажные работы. Вокруг дома рабочие поднимали леса. Окна и двери уже стояли на месте. И всё это богатство окружал высоченный забор на метровом бетонном цоколе.

— Тебя как звать? — спросил мужчина, когда они вошли в ворота.

— Игорь, — ответил старик.

— А меня — Рыбак.

Комаров недоверчиво посмотрел на своего спутника.

— Фамилия такая, — пояснил тот, — так и зовут. Справишься за день?

— Постараюсь.

— Сделай, пожалуйста, очень нужно.

— Хорошо.

— Лопату с киркой тебе выдадут в гараже и расскажут, где копать.

Мужики искали людей в помощь, чтобы уложиться в график. Они показали Игорю Ивановичу коллектор и место, где из дома выходила труба, и он сразу же взялся за дело. Комаров боялся, что расслабленная левая рука не позволит ему работать в полную силу, но вскоре приоритетился, и всё пошло как по маслу. К обеду он почти закончил.

Рыбак даже присвистнул, проходя мимо:

— Как закончишь, не уходи без оплаты, — обратился он к старику, — а то у твоих товарищей бывает.

Комаров ничего не ответил. В его голове лихорадочно крутилась мысль, что он, возможно, получит работу, если хорошо справится, а вместе с ней и шанс вернуться в нормальную жизнь. Он даже не спросил, сколько ему заплатят, лишь бы дали работу. Поэтому постарался и вскоре показал Рыбаку результат.

Они быстро прошли вдоль траншеи. Комаров хотел поговорить о работе, но Рыбак его прервал:

— Давай вечером обсудим, если нужно. Часов в шесть-семь, сейчас ни одной минуты нет. Я всем доволен. Подойди к мужикам, они с тобой расплатятся.

Старик сделал, как велели, и покинул объект, но не стал спускаться в Офис, а поднялся на холм. В нескольких кварталах от стройки в выжженных травах пряталась вертолётная площадка. С неё открывался замечательный вид на город, и в былое время Игорь Иванович любил сюда захаживать. К ней вела побитая временем асфальтовая дорога, и в последние годы сюда зачастили автолюбители. Старик дошёл до вершины, поглядел на горы мусора, который бросали тут заезжие гости, плюнул в сердцах и пошёл обратно.

Вечером Рыбак был не в духе. Он внимательно выслушал просьбу Игоря Ивановича и рассеянно кивнул, глядя мимо своего собеседника, не отвечая, таким образом, ни да, ни нет.

— Не знаю, чем помочь. Я ведь здесь не начальник. Кое в чём ты, конечно, можешь оказаться полезен, и на завтра я найду тебе занятие, но тоже не на целый день.

— Понял, — отозвался старик. — И на том спасибо. — Он собирался уходить, но нерешительно обернулся. — А сторож у вас на объекте есть?

— Да, сторож тоже не нужен.

— Я не о работе, — он опустил глаза, — мне идти некуда. Последнее время перебиваюсь по стройкам, но отовсюду уже поперли.

— Ну, переночуй здесь. Мы тоже на стройке живём.

Комаров чуть не лопнул от счастья.

— Спасибо большое! — просиял он. — А вы почему не дома?

— Мы иногородние все. Вахтой работаем.

Внутри дома шла отделка. В некоторых комнатах на самодельных штативах стояли небольшие прожекторы, и мужики возились с правилами. В большой комнате стояли палатки и жестяная печурка, вокруг которой сутились люди, жарили шпикачки, нарезали хлеб и овощи, заваривали чай. Комаров присел в сторонке, чтобы не путаться под ногами. Строители не обращали на него внимания. Но когда стали рассаживаться, Рыбак позвал его к столу и подал ему хлеба. Старик отнекивался, потом предлагал деньги, наконец, достал из сумки бутылку.

— Сам я не пью, — объяснял он. — Ношу в качестве взятки, чтобы переночевать пустили. Может, вам пригодится?

— Мы на объекте не пьём, — сказал кто-то из строителей. — Шеф не разрешает.

— Это да, — подтвердил Рыбак. — Лучше спрячь. Тебе она ещё пригодится. Мало ли кого нужно будет подкупить, — он оглядел людей за столом. — Давно в Офисе?

— Первый день, — грустно ответил старик. — Хотя бродяжничаю давно.

Рыбаку он ещё на улице коротко рассказал, как потерял дом. Мужики вопросов не задавали, ужин прошёл в тишине. На десерт проткнули ножом банку сгущёнки, и старик с непривычки намешал слишком сладкий чай.

Спать разошлись рано. Утром ждали заказчика, перед его приходом собирались прибрататься перед домом и всё ещё раз промерить.

— Хозяин придиричивый, — объяснял Рыбак. — Скрыга. Может, оно и правильно, конечно, но разговаривать с ним неприятно. За каждую копейку воюет. — Старик смотрел под ноги. — Я замолвлю за тебя словечко. Может, у него какое-нибудь место для тебя найдётся.

Спозаранку приехал хозяин и начал орать на мужиков, не успев полностью вытащить на свет божий своё толстое тело из машины. Мужики растеряно метались из стороны в сторону, шарахались от него, как от прокажённого, только Рыбак сохранял спокойствие и говорил с хозяином деловым тоном. После обхода между делом они подошли к старику (тот засыпал вырытую накануне траншею).

— Сергей Вячеславович, у меня к вам личный вопрос. Тут человеку нужна помощь, работа. Есть у вас варианты?

Заказчик смерил его сердитым взглядом:

— Ещё одного питомца под крыло взял? — перевёл он взгляд на Комарова. — Я говорил тебе, Рыбак, у меня здесь стройка, а не богадельня. Кого дальше пригреешь, тимуровец херов?

— Человек крова лишился. По-вашему, его на улице можно оставить? Тем более, он опытный работник.

— А почему ты его в мой дом тащишь? У себя кого угодно прописывай.

Рыбак собирался возразить, но заказчик оборвал его нетерпеливым жестом.

— Закрыли вопрос. Мне плевать, что ты там думаешь. У нас договор. Со своими людьми расплачивайся сам. Кого ты привлекаешь — это твоё дело, но селить их здесь я не позволю. Я и вас-то кое-как терплю на участке. Это пока ещё моя земля, а не цыганский табор.

Сергей Вячеславович уехал.

— Ну, я почти не сомневался, — начал Рыбак с досадой. — Здесь недавно драма была, — он горько усмехнулся, — Муму в миниатюре. Бегал по улице пёс богатырский, мы его Вульфом звали. Бездомный. Единственная собака во всём городе, которая ни на кого ни разу не лаяла. Но огромный, зараза. Помесь лайки с кем-то, не знаю, с овчаркой что ли. Башка вот такая, — он показал руками, — больше меня, наверное, весил. Так этот боров велел его выгнать, когда на стройке однажды увидел. Напугала его, видите ли, собачка.

— Хороший ты человек, Рыбак, — отозвался Комаров.

— Да, нет. Прогнал я пса. А он приходил ещё, сидел у забора. И вот видел я его недели три назад — исхудал бедненький, кожа да кости. Заболел. Смотрит. Глаза грустные, но не подходит. И я, знаешь, не позвал его. Чёрт знает, может, он и помер уже. А я ведь выходить его мог. Что мне этот крикун? Он приезжает раз в три дня. Нельзя же из-за этого живое существо на мороз гнать, — он вздохнул. — Я подумаю, чем тебе можно помочь, спрашиваю ещё. В любом случае, пока мы тут, можешь здесь ночевать.

— Не переживай, — пытался ободрить его старик, — справимся.

Ему было важно это услышать, но он понимал, подставлять Рыбака нельзя. У него на стройке можно заночевать только в самом крайнем случае.

Работу он закончил ещё до обеда, помог мужикам переставить миксер в гараж и ушёл.

За два дома до Офиса Комарова обогнал мужчина затрапезного вида. Он подошёл к ближайшей калитке и громко стукнул в неё два раза дубовой палкой, которую приспособил в качестве посоха. Где-то в доме залилась собака.

— Ну чо надо? — выглянул во двор хозяин.

— Вам работник не нужен? — ответил ему мужчина. — Перевезти, убрать, раскопать, пень выкорчевать. Нет?

— Сейчас нет, — смягчился хозяин, — на выходных приходи, нужно будет сарай разобрать.

— Хорошо, — ответил работник и пошёл к следующему двору.

«Блин! — подумал Игорь Иванович, — почему я до этого не додумался?». Он твёрдо решил, что завтра же поищет таким способом работу. Сейчас он намеревался уладить вопрос с жильём.

Рыбак рекомендовал ему держаться поближе к Офису, там прорабы в первую очередь ищут разнорабочих. Что-нибудь перенести, раскопать, отбить раствор с кирпичей — бомжи за любое дело берутся и больших денег не требуют.

На разбитом крыльце Офиса сидели двое мужчин и женщина. Над ними витало напряжённое молчание, будто они только что поругались и теперь не разговаривают. Старик не вызвал у них интереса. Мужчина коротко посмотрел на него и кивком головы велел проходить в открытую дверь за его спиной.

Дом был под завязку завален бархламом, которое бомжи старательно тянули сюда со всего городка. На полу валялась грязная одежда всех сезонов, стоптанная обувь, картонные коробки, бутылки. Под ногами скрипели опавшие листья, которые сюда заносил ветер. За порядком никто не следил. Кроме потрёпанного матраса никакой целой мебели старик не увидел. На нём спали постоянные обитатели Офиса, остальные стелили на пол несколько одеял вперемешку с ветошью. Когда-то в холодные ночи топили печь, но дымоход давным-давно забился, и дым тянуло в комнаты. Его пытались прочистить, но горе-трубочист едва не сорвался с крыши, проломил сапогом шифер и слез от греха подальше. Свободное время жильцы коротали на крыльце, там можно было посидеть на ступеньках. Но в основном они слонялись по улицам и площадям, подыскивая любой заработок, или клянчили у прохожих деньги.

Старик вернулся во двор. Трое по-прежнему сидели молча. Большой алкогольный стаж скрадывал их возраст. Комаров не мог взять в толк, есть ли среди них кто-нибудь старше его, по их оплывшим лицам определить это не получалось.

— Деньги есть? — тихо спросил мужчина, глядя себе под ноги.

— Нет, — Комаров замолчал, но через несколько секунд спохватился. — Вот, — достал из сумки бутылку.

— О! С этого и нужно было начинать, — восторженно воскликнул собеседник. — Ты новенький? Тебя как звать?

— Игорь.

— Андреич, — он указал на своего соседа, — это дядя Стёпа. Он молчун, не обращай внимания. Она — Тоська.

— Очень приятно, — отозвался Игорь Иванович.

— Давай стакан, — он свернул крышку бутылки, — Тоська! Подставляй!

Женщина подала ему консервную банку из-под шпротов. Себе он налил в такую же посудину и перевёл взгляд на старика.

— Нет, я не пью, спасибо, — мягко заговорил Комаров.

— За знакомство нужно выпить, — давил Андреич.

— Мне врачи не позволяют.

— А ты что, видишь тут где-то врачей? — он поднял лохматую бровь. — Тоська фельдшер, конечно, но всё-таки не доктор. Но давай спросим. Можно ему выпить, а? — обратился он к женщине.

— Что ты привязался к человеку, чёрт старый? Не хочет он с тобой пить, не видишь что ли?

— А почему бы со мной не выпить? — обиженно спросил Андреич и уставился на Комарова.

— Вы меня не так поняли, — затараторил Игорь Иванович. — Да и не из чего.

— Так у нас есть. Эй, няня, где же кружка?

Тоська недовольно цокнула.

— Нет-нет, спасибо, — старик даже отступил на полшага.

— Ну, как знаешь, — согласился Андреич и одним глотком приговорил свою порцию, отдышался и добавил, — мне же больше достанется.

Женщина коротко отпила и подала банку третьему. Тот безропотно выпил хотя и не просил. Ни один мускул не дрогнул на его отсутствующем лице. Он выглядел и вёл себя так, будто вокруг него ничего не происходило, но по выражению его лица старик понял, что и про себя он тоже ни о чём не думал. Он напоминал лунатика: глаза его смотрели, но ничего не видели. Он был бледен и худ и меньше других походил на алкоголика.

Тоська произвела на Игоря Ивановича впечатление дурной крикливой тётки. Она с трудом ворочала грузным телом, постоянно на всех срывалась, орала или говорила колкости. Андреич, правда, не реагировал на её выпады. Он объяснил старику, что на самом-то деле она добрая и никого обижать не хочет. А вздорный характер — не самое страшное в женщине.

Андреич (на самом деле Андрей Андреевич) когда-то работал автомехаником. У него были золотые руки, он чувствовал неисправности в моторах. К нему обращались все: полковники и генералы, милиционеры и партийные функционеры, профессора и таксисты. И все плачивались бутылкой. Так он оказался на улице.

— Но я ни о чём не жалею, — добавил он. — А ты, Егор, как тут оказался?

— Игорь, — поправил его Комаров. — У меня отняли жильё после пожара на складе.

— Слышали про такое, — буркнула Тоська. — Что ж ты ему хату-то отдал?

— А что было делать?

— Не отдавать, чёрт тебя дери. Не ровен час он бы куда-нибудь сгинул, а ты остался бы при жильё.

— Дура ты, Тоська, — осадил её Андреич, — его самого бы в расход пустили, если бы заартачился. Ищи потом ветра в поле.

— Ну, хорошо, — согласилась она, — а с роднёй что? Почему к детям жить не пошёл?

— Так нет детей, не сложилось.

В прошлой жизни Тоська работала фельдшером на сельской станции скорой помощи. Постепенно село обезлюдело, штат сократили, и она осталась без работы. К тому времени она давно овдовела и жила одна. Однажды к ней с предложением приехали дети. Они захотели продать квартиру и начать новую жизнь где-нибудь в Монте-Карло. Дескать, её квартира пусть и небольшая, но стоит дорого. Она сдуру послушала их.

Квартиру продали, оставили матери деньги на пару месяцев, пока на новом месте не обустроятся, и пропали. Андреич твердил, что они специально всё это придумали, чтобы увести у неё деньги. Дескать, его супруга вообще выгнала из дома, и с тех пор он уверен, что подвоха можно от кого угодно ждать. Но Тоська на его сомнения отвечала, что у детей просто пока не сложилось, но они за ней обязательно вернуться. Игорь Иванович подумал, глядя на неё, что она и сама в это не верит.

Сложнее обстояли дела у дяди Стёпы. Никто не знал, был ли у него дом на самом деле. О своём прошлом он ничего рассказать не мог. Его привёл в Офис сердобольный прохожий. Поговаривали, будто у него случился удар, врачи спасли ему жизнь, но он остался дурачком. Другие говорили, что он, наверное, всегда таким был, просто родне стало не с руки его пасти, и он «потерялся». Он даже своего имени не помнил, и в разное время отзывался на Пашу, Сашу, Петю и даже Онуфрия. Имя Стёпа держалось дольше других, поэтому его так и звали. К тому же это имя подходило к его долговязой фигуре.

Обычно обитатели Офиса встречали новичков с недоверием, но оно быстро растворялось в алкоголе. Вскоре они вообще перестали замечать Комарова, будто он с основания Рима жил вместе с ними, и стали вести обычные разговоры. Старик смотрел на них и боялся, что однажды станет таким же. Они смирились, и в какой-то момент бродячая жизнь начала им нравиться. До того, как Тоська потеряла жильё, она бралась за любую работу, даже за самую тяжёлую.

Мыла посуду, была домработницей, даже выгуливала собак. Она старалась, билась, боролась, а теперь ей уже всё равно. Каким образом она зарабатывала на водку, никто не разумел.

Андрей Андреевич тоже вызывал смешанные чувства. Его голову уже давно облагородили седины, но стоило ему раскрыть рот, возраст куда-то улетучивался. Порой он рассуждал как какой-то шкет. В бродяжничестве он не видел ничего дурного. Не жалел ни о доме, ни о семье, ни о работе. По его словам, дома у него вообще никогда не было, семья его не любила, от работы он устал и вообще хотел для себя другой жизни. «Я хотел поэтом стать, — лукаво улыбался он, — а получалось только гайки крутить». Правда, своих стихов он никому не читал. А вот за умение заворачивать гайки его ценили. И в некоторых дворах по старой памяти иногда наливали стопочку, хотя больше он под капот не заглядывал.

Спать он любил всех, и это раздражало. Он верил, что плохих людей не бывает, а бывают дурные обстоятельства. И по этой же причине он превозносил Советский Союз, потому что любое зло в нём было противоестественным. А всё, что произошло потом, по своей космической значимости сравнимо с грехопадением — невозможно предать добро и остаться невредимым. Поэтому люди заслуженно живут где-то по соседству с адом. Но ему было больно видеть, как жизнь окунала в грязь хороших людей, прежде чем бросить их себе в пасть.

Однако был в округе человек, которого Андреич не любил. Впрочем, его вообще никто не любил. Тоська звала его Буюк с белой горы — он был местный воротила и сутенёр. Его девочки обслуживали клиентов на вертолётной площадке, отчего весь холм вокруг порос салфетками, как белыми цветами зла. Из-за них Тоська и называла её белой горой. Как Буюка звали по-настоящему, никто из них не знал и не спрашивал, хотя он уважительно относился к бездомным. В них у него имелся коммерческий интерес. Кое-кто из бродяг за небольшие деньги мог рассказать, кому в городе хорошо живётся.

В офис Буюк приезжал редко, но всякий раз со скандалом. Андреич шипел, как загнанный кот, что таких людей нужно давить. Всякий, кто покушался на чужую жену, заслуживал свои девять грамм. А уж монстр, способный выставить на торги девичью юность, — и все двадцать семь.

Тоська, наоборот, защищала его. Мол, так бедные девочки хотя бы не умирают с голоду. И будь она молода, пошла бы к нему, не раздумывая. «Да кому ты нужна, дура старая! — хрипел от злости Андреич. — Совсем стыд потеряла!». «Да, чёрт лысый! — отвечала она ему. — Я своё уже отстыдилась! Уже ничего не страшно, а кушать всё ещё хочется!».

Чтобы доказать своему соседу отсутствие стыда, Тоська даже помочилась на крыльце Офиса при всем честном народе. Игорь Иванович ничего не сказал, но позже Андрей Андреевич оправдывал её:

— Не сердись на неё, — говорил он старику. — Она не плохой человек. Нищета кого угодно испортит.

Старик и не думал ни на кого сердиться. В последнее время его посещало недоброе чувство, что хрипы, поселившиеся в его груди после недавней простуды, гораздо серьёзнее бронхита. Иногда ему не хватало воздуха, будто объём лёгких сократился. В другой раз одолевала такая усталость, что он с трудом держался на ногах.

Спозаранку Игорь Иванович отправился к роднику за водой. Он обратил внимание, что у всех бездомных, которые его окружали, одинаково грязный цвет лица, будто они не умывались много лет. Всеми силами он хотел сохранить человеческий вид, понимая, что иначе на приличную работу его не возьмут. Дома он обнаружил, что вещи в его сумке кто-то перевернул. Всё было на месте, кроме денег в кошельке. С этим вопросом он вышел на крыльцо, где в это время сидела одна Тоська.

— А что ты хотел? — ответила она. — Ему нужно похмелиться.

— Я хотел, чтобы никто не брал мои вещи без спроса!

— Никому твои вещи не нужны, не переживай.

— Где мои деньги?

— А на кой тебе деньги, если ты не пьёшь? — спросила Тоська с вызовом.

— А что, деньги только на водку нужны?

— Конечно, дружок, конечно! Трезвому на улице не выжить, ему себя жалко. А пьяному пофиг. Ты молодой ещё, пороху не нюхал. Но ничего, скоро поймёшь.

Старик вздохнул и опустил на бетонную ступеньку рядом. Он сразу понял, что деньги ему не вернут. В лучшем случае ему предложат выпить за его же счёт. Да и украли они не бог весть сколько. Он каждый вечер перераспределял бюджет. С недавних пор в нём образовалась ещё и медицинская брешь, были нужны лекарства.

— И что, вы теперь всякий раз будете в мою сумку лезть?

— Да никому не нужны твои подштанники, ёлы-палы! — привзвизгнула она. — Ты при нём бутылку из сумки достал, вот он и полез проверять, не осталось ли у тебя какой-нибудь заначки. Если бы он мог держать себя в руках, не залез бы. Так что это даже не воровство.

— То есть вам не стыдно?

Она отрицательно покачала головой.

Старик не стал тратить время на болтовню, а умылся и отправился в поликлинику. Он боялся, что без прописки его не примут, но оказалось, в больнице никто о его переезде не знал. Участковый врач, послушав его, подтвердила, что хрипит он сильно, и запускать болезнь нельзя. Она выписала ему кучу лекарств, и добавила, что для точного диагноза нужен рентген, но очередь на него расписана на несколько недель, без очереди пролезть можно только через скорую. Она рекомендовала ему сразу звонить врачам, если станет хуже.

В аптеке Комаров оставил почти все деньги, хотя достал не всё, что выписал врач. Он смотрел на мелочь, которая у него осталась, и понимал, что долго не протянет. Поразмыслив, он пошёл по городу в поисках работы. Шерстил переулки, заглядывал во дворы, на стройки. На одном участке, где за забором бродили козы и свиньи, предложил хозяину помощь на выпасе. На другом — убрать листья, спилить сучья и т. д. Везде ему отвечали одно и то же: нет денег. Он опросил дюжину хозяев, впал в уныние и направился обратно в Офис. Когда-нибудь, наверное, он сможет легко предлагать свои услуги в любом доме, но в первый раз это стоило ему больших усилий.

Тоська передала, что его искал Рыбак, дескать, нашлась работа. Но раз уж он вернулся поздно, можно уже не спешить, он уже наверняка взял кого-нибудь другого. И добавила, что утром из Офиса без дела лучше не уходить. За разнорабочими сюда идут в первую очередь.

Андреич приковылял домой поздно вечером, плюхнулся на свою гору тряпок и тут же уснул. Старик пробовал его растолкать, но тот только мычал в ответ и ворочался. К утру неприятная история с кражей денег уже потеряла остроту. Комаров ещё проверял вещи, но в его сумку больше никто не лез.

Ночью в Офисе стало холодно. Сквозило изо всех щелей, а входная дверь и вовсе не закрывалась. В комнате с печью текла кровля, из-за чего во всём доме стояла сырость. Тоська легла рядом с Андреичем и безучастно следила за тем, как старик возится. Она же и убедила его не топить печь, иначе они все угорят.

— Я мёрзну, — ответил ей Игорь Иванович, с трудом подавляя подкатывавший страх перед морозной ночью.

— Так укройся чем-нибудь и ложись, — недовольно отозвалась она. — Не мешай спать.

Утром Комаров осмотрел печку, поковырял трещины на ней, осмотрелся на участке. Нашёл за Офисом обгоревшее эмалированное ведро без ручки и пошёл на стройку. Рыбак обрадовался ему и попросил не теряться, поскольку для него уже нашлась работёнка. «Полной занятости, конечно, не обещаю, — говорил он, — но голодным не оставим». Комаров поблагодарил его и попросил займы в счёт будущей оплаты полведра сухой штукатурки и мастерок на время, чтобы печку подлатать. Мужики отдали ему мешок с остатками. У них же он раздо-

был верёвку. Долго такая латка не продержится, старик это хорошо понимал, но без отопления им не перезимовать.

Он заделал щели, а оставшийся раствор собрал в пластиковую бутылку. Распотрошил другую бутылку и соединил их так, что они стали похожи на ошестинившегося ежа, повязал всё это на веревку и полез на крышу.

Несколько часов он возился с трубой, но в итоге тяга пошла, и печку можно было топить. В комнату ещё тянуло дымом, но не так сильно. «Прогорит», — думал Игорь Иванович про себя. Он устал за день и искал любой возможности прилечь.

В последующие дни к его утренним походам за водой добавился ещё поиск дров. Он собирал по стройкам обрезки и подгнившие доски, явно непригодные уже ни в опалубку, ни для забора. Тащил в Офис сломанную мебель от мусорных баков. Собирал картон и газеты на растопку. В одиночку много собрать не получалось. Ни Андреич, ни Тоська помогать ему не спешили. Но в жизнь, наконец, вернулось долгожданное тепло. Правда, холод не отступал. И порой старик мёрз даже у самой печки.

Как Рыбак и обещал, для Игоря Ивановича нашлась работа. То в одном месте бетон подлить, то в другом арматуру подвязать, то щебня натаскать. День ото дня старику казалось, будто людей на стройке становится меньше. Оказалось, хозяин затеял ремонт в своём мебельном цеху, часть бригады работала уже там, а сюда он собирался перевезти оборудование. Мужики согласились помочь, но по цене с хозяином не сторговались. Для этой задачи Рыбак искал людей. Предложил Комарову и ещё троем мужичкам на посёлке.

В назначенный день Игорь Иванович пришёл на участок. Мужики суетились, перед воротами стояла машина Сергея Вячеславовича, слышался его голос. Старик задержался у входа, чтобы лишний раз не попадаться под горячую руку. К воротам подошёл Колька и два его друга: Валя и Лёва.

— Где этот хером подпоясанный благодетель? — орал Сергей Вячеславович. — К тебе тут очередные ходочки припёрлись! Разберись уже с ними, чёрт бы их!

Рыбак вышел из дома и жестом велел новичкам следовать за ним в огромный гараж.

— Сюда привезут машины и ящики, — начал он, — нужно бережно их разгрузить и расставить. Машины к стене, ящики поближе к выходу. Работы на целый день, — добавил он, — не отлынивайте.

По каким-то причинам хозяин заказал для перевозки только одну машину, и рабочие скучали, ожидая разгрузки. Игорь Иванович коротал время на заднем дворе. Участок тут выходил на пустырь, мимо тянулась тропинка, сбоку от которой росли дикие огурцы. Плоды уже давно поспели и дожидались на веточках, чтобы кто-нибудь их освободил. Комаров поддевал их носком ботинка, в детстве он находил в этом занятии много радости, но ни один не выстрелил.

Куртка Игоря Ивановича для тяжёлой работы не годилась, мешала. Когда подходила машина, он снимал её и даже без куртки пропотел сверху донизу, вот только пот казался ему холодным и липким. К середине рабочего дня Игорь Иванович вымотался и озяб, у него разболелась голова, усилился кашель. Он кое-как стоял на ногах, однако нужда заставляла его работать.

То ли из-за усталости, то ли из-за холодного ветра, старику стало хуже. Он больше не ходил за дровами, и ночью печку никто не топил. На третий день подскочила температура, он тяжело хрипел, и Тоська, осматривая его, стала мрачна, как поздняя осень.

— Чем ты лечишься? — спросила она.

Он подал ей пакет с лекарствами, которые покупал, пока был в силах дойти до аптеки.

— Всё не то. Нужны антибиотики, — бросила она ему и поднялась. — Давай деньги, я куплю. Чёрт тебя дёрнул разболеться, а. Без рецепта поди и не продадут, — пробурчала она себе под нос.

Комаров отдал ей всё, что у него оставалось.

— Мало, друг мой. Мало, — сказала она серьёзно и вышла.

Через полчаса в комнату заглянул Буяк:

— Ну что? — спросил он с нетерпением.

— Вот, — указала на Комарова Тоська. — Нужны лекарства.

— А я-то думал, что-то интересное, — сказал он и картинно стал разворачиваться к выходу.

— Это очень срочно! — остановила она его. — Поможешь с деньгами?

— А мне что с этого будет?

— Что тебе нужно? — озадаченно посмотрела Тоська.

— Как что? — криво улыбнулся Буяк. — Ключи от квартиры, где деньги лежат.

Наступила пауза. Где-то на дворе бузил Андреич.

— Ну-с, что решили?

— Оставь нас одних, — слабо произнёс Игорь Иванович, глядя на Тоську. И продолжил, когда она вышла. — Через квартал ниже твоей вертолётки есть богатая стройка.

— Меня цемент не интересует, — перебил Буяк.

— Два дня назад туда свезли дорогое оборудование. У хозяина мебельный цех. Пока в нём идёт ремонт, станки стоят здесь.

— И что мне с ними делать?

— Они целое состояние стоят. Не хочешь продавать, так поставь где-нибудь и работай сам.

— Положим, так. А как мне туда попасть, как загрузиться?

— Туда белаз подъехать сможет. По соседству живут три пьяных калеки, никто не мешает.

— Ладно. Со сторожем что?

— Хозяин зажал мужикам лишнюю копейку, поэтому никто не охраняет. Обходишь стройку, на пустырь выходит глухая стена. В гараже там маленькое оконце. Оно высоко, но там же, за стройкой, можно старые козлы подтянуть и влезть. Изнутри откроешь ворота.

— Надо подумать, — зашагал по комнате Буяк.

— Некогда думать. Через неделю там уже ничего не будет.

— Откуда ты знаешь?

— Работал там. Хозяин богат как набоб, дом с бассейном отгрохал, — сказал старик и с мучением добавил, — а с людьми не делится.

Последняя фраза, как и планировал Игорь Иванович, подействовала на его собеседника. Глаза его блеснули:

— Замётано, — произнёс он.

— Когда ты заплатишь?

— Когда всё проверю. Утром деньги, вечером стулья, — весело сказал Буяк и удалился.

Вечером Игорю Ивановичу стало хуже. Усилились хрипы, приступы кашля стали нескончаемы, болела грудь, воздуха не хватало. Резко появилась мокрота. Жар стал нестерпимым. На короткое время он забывался тревожным сном, потом открывал глаза и не мог понять, спит он или нет, бормотал что-то несвязное.

Тоська сидела рядом. Ближе к ночи она вышла на крыльцо, где горлопанили пьяными голосами Андреич, Валька и Лёвка. Погнала их к телефонной будке, чтобы они вызвали скорую. Все трое отнекивались, но Тоська нашла нужное слово. Андреич ворчал, что в Офис скорая не приезжает, но всё-таки пошёл звонить. Два его пьяных товарища отправились за ним, еле волоча ноги.

Вернулся Андреич через двадцать минут. Позвонить он не смог, у аппарата кто-то сломал трубку. Тогда Тоська отправила его искать Буяка.

— Где я тебе его найду? — спросил он, вытирая щёку грязным рукавом куртки. — Я с уродами не вожусь.

Валька и Лёвка стояли в пяти шагах, развесив уши.

— Бери своих дружков, и бегите. К чёрту твою принципиальность, ему нужно в больницу, он до утра не доживёт.

— Так можть, это, — заговорил, запинаясь Лёвка, — постучать кому-нибудь в дом, попросить, чтобы скорую вызвали.

— Тебе, пьяная морда, только милицию вызовут! Идите! Быстро! — Крикнула она.

Валька успел задремать, облокотившись на жердь бывшего забора, и вздрогнул от её слов. Все трое нетвёрдым шагом ушли в темноту.

Она вернулась в холодную комнату. Игорь Иванович подгрёб под себя ветошь, зарылся в неё и свернулся калачиком. Иногда он вздрагивал от холода, но голова его горела. Она пыталась раскрыть его, но он крепко вцепился в своё одеяло.

К полуночи ходоки вернулись. Андреич объяснил Тоське, что они никого не нашли, но к тому моменту, как она собралась снова выгнать их на поиски, к Офису подъехала машина. Звон стеклянных бутылок разбудил старика.

— Ну что, болезный, не помёр ещё? — спросил Буяк мучительно звонким голосом.

Старик ничего не ответил.

— Подвёл ты меня под монастырь, дружок, — хмуро посмотрел на него бандит, — сторож-то на стройке был. Но знаешь, своё мы забрали, — злая улыбка появилась на его лице. — А твою долю я привёз. Вон, слышишь, соседи звенят? Веселитесь. — Добавил он, и вышел.

— Рыбак, — тихо прохрипел Игорь Иванович.

Тоська что-то говорила, пыталась остановить Буяка, но он хлопнул дверью и уехал. Валька и Лёвка пересчитывали бутылки и возбуждённо переговаривались, Буяк отгрузил им два ящика.

Тоська изредка входила в комнату, чтобы проведать старика, причитала и охала. Но и её постепенно захлёстывало волной халявной выпивки. Интервалы между её появлениями постоянно удлинялись. В последний раз, она даже забыла, зачем пришла. Постояла молча на пороге и вышла. Комаров её не винил. Он лежал с закрытыми глазами, стараясь дышать как можно медленнее, чтобы отсрочить новые приступы кашля, и надеялся забыться во сне.

Вдоволь наоравшись к утру на мужиков, Тоська пошла к морю освежиться. Андреич заснул сидя на крыльце, а Валька и Лёвка, продолжали пить, пока не начал накрапывать дождик. Одному из них пришла в голову мысль занести старшего товарища под крышу, поскольку разбудить Андрея Андреевича не получилось. Они подняли его за руки и за ноги, внесли в дом и едва не уронили на Комарова. Старик лежал в забытьи, дрожал мелкой дрожью и с трудом дышал. Сначала оба в ступоре смотрели на него, положив своего товарища рядом. Потом решили, что будет нехорошо, если в офисе кто-то умрёт: придётся объясняться с милицией, чего доброго их ещё отсюда выгонят. Они взяли Игоря Ивановича как минутой раньше Андреича и вынесли на улицу. Дождь усиливался. Деваться было некуда, и они перенесли старика через дорогу, положили под козырьком остановки, благо поблизости в эту минуту никого не оказалось.

Через год после смерти Игоря Ивановича бокс, в котором хранились его вещи, у бандитов выкупил мужик из дома напротив. Все стариковские пожитки, посуду, книги он вынес и выбросил за гаражами. Местные хулиганы долгое время растаскивали всё это добро по своим нуждам. Били стекла, ломали пластинки и кое-какую технику, страницы из книг вымачивали в селитре и делали дымовухи. Или просто подтирались ими, чтобы не заходить лишней раз домой.

Трёх товарищей жизнь разделила. Толя долго и мучительно умирал, страдая деменцией. Гена однажды погнался чертей и свалился с лестницы. Травмы оказались тяжёлыми, но не смер-

тельными. Бедолагу основательно прокапали, пока он лежал на растяжке. Из больницы его забрал сын, и больше он уже не пил. Степан слонялся от одной пьяной компании к другой, пока в один день не запил с первыми встречными. Когда выпивка кончилась, ему вручили деньги и отправили за добавкой. Хватило только на чекушку, но и её Стёпа сдуру не донёс. Его нашли блаженно спящим на лавочке, стащили в пустырь и забили до смерти.

Буяк попал под следствие, когда пропала одна из его ночных бабочек. Тело нашли через две недели, и хотя экспертиза показала, что она умерла ненасильственной смертью, её покровитель уже пошёл по судам. Одно за другим к нему прилипали уголовные дела, и о дальнейшей судьбе его ничего неизвестно.

Белая гора оставалась местом паломничества эротоманов до недавнего времени. Организованная проституция переместилась в центр города, но на этой проклятой вершине была сломлена ещё не одна девичья судьба. Потом холм распродали, один за другим на нём возникли дома, и всего за полгода вертолётка превратилась в самую заурядную стоянку. Машины и по сей день приезжают сюда в поисках наслаждений томными вечерами, но разворачиваются, не останавливаясь.

Холодный особняк бандита так и стоит недостроенный.

Колька прожил в своей избушке ещё несколько лет, и, окончательно спиваясь, перебрался в Офис. Валя и Лёва переехали к нему годом позже. Колькин дом ещё сильнее покосился и обветшал. Неуклюжая дверь на чердак покоробилась и перестала закрываться — хлопает и жалобно скрипит на ветру. Окон по-прежнему нет. Деревянная облицовка почти полностью истлела, кое-где из-под неё выглядывает обрешётка. Теперь тут живут два подростка-беспризорника.

Дядя Стёпа потерялся. Андреич умер от инсульта во время очередного запоя. Тоська пережила его на два года. Она угорела во время ночного пожара в Офисе. В тот год выдалась холодная зима, снега шли один за другим. Пытаясь согреться, она затеплила огонь в печи, уснула и не заметила, как загорелась ветошь. Пожарные налили воды по самое горлышко, и дом остался стоять, только провалилась крыша в комнате с печкой.

С тех пор офис стоит без изменений. С завидным постоянством в нём появляются новые лица. Приезжал туда недавно какой-то большой дядька на чёрной машине, выходил, осматривался. Два дня после никого в Офисе не было. Но идти некуда, и вскоре снова зазвучали над улицей пьяные голоса.

Симулянт

На свет Володя Коновалов появился с небольшим опозданием. Он был третьим ребёнком в семье. Старшие братья торопились родиться, а он — наоборот. И сами роды тоже немного затянулись, поэтому доктора заподозрили у него гипоксию, хотя внешне никакой патологии не нашли.

В часы приёма пришли братья и отец, бабушки и дедушки и даже прадедушки и прабабушки. Семья Коноваловых отличалась удивительным здоровьем, и на врачебные формальности никто не обращал внимания. «Ну, какая ещё гипоксия! — возмущалась бабушка через окно. — Чушь это всё! Они это после каждых родов пишут, чтобы к ним никаких претензий не было. Не бери в голову, дорогая!» Нужно сказать, что в медицинских вопросах ей доверяли, поскольку она работала спортивным врачом. Правда, взрослым, но никто не жаловался.

Доктора продлили их пребывание в роддоме на два дня. То и дело они входили в палату, брали анализы, пару раз даже уносили ребёнка на осмотры. Мама начала переживать, но супруг, стукнувший ей перед сном в окошко, велел не думать глупостей.

В конце концов, их выписали и в напутствие ничего не сказали. Акушерка объяснила, мол, вечно доктора перестраховываются, и с лялей всё в порядке, бояться нечего. Максимум со временем проявятся какие-нибудь особенности развития, но они так и останутся особенностями, если за ребёнком ухаживать. Маму эти слова успокоили, поскольку заботиться о детях она умела.

Метод воспитания Коноваловых был гордостью всей семьи. А сами Коноваловы — гордостью микрорайона, в котором жили. Одним своим видом они пропагандировали здоровье и трезвость: были крепки, стройны и сильны как на подбор. И все увлекались спортом. На всесоюзные соревнования, правда, пробивались только старики. Зато в любительском спорте — они все боролись за медали.

Отец Володи, Иван Андреевич, занимался тяжёлой атлетикой, брал областные награды, и в юности, говорят, даже в олимпийскую сборную метил, но якобы не отобрался из-за склоки с тренером.

Мать Володи, Ольга Сергеевна, в юности была первой красавицей. И трудяги за ней ухаживали, и стилияги, и даже, ходили слухи, сын первого секретаря обкома партии признавался ей в любви. Никому она не отвечала взаимностью, а с мужем познакомилась на сборах школы олимпийского резерва. Она подавала надежды в спринте, но жизнь распорядилась иначе.

Впрочем, Ольга Сергеевна не жаловалась. Она с трудом представляла себя в спорте больших достижений, куда её настойчиво вела жизнь. Но и бросить боялась, потому что за пределами стадиона жизнь иногда казалась ей слишком непредсказуемой.

С рождением первенца Коноваловы пересмотрели свои спортивные привычки. Длительные походы в горы заменили однодневными, чаще стали выезжать на море. Иван Андреевич не вылезал из тренажерного зала, Ольга Сергеевна растягивалась дома и занималась простейшей гимнастикой, пока нельзя было бегать. Она тревожно следила за весом, но врачи ругали её, мол, не добирает.

Сызмальства Иван Андреевич водил детей на стадион, смотрел с ним важные матчи по телевизору, брал с собой на любительские старты. Вите казалось, будто папа знает о спорте всё. Например, кто тренировал женскую волейбольную сборную Чехословакии, или какой был состав у сборной ГДР по хоккею во время знаменитой суперсерии между СССР и Канадой семьдесят второго года.

Второй их сын, Виталик, увлёкся борьбой. Кроме спорта и новостей отец по телевизору ничего не смотрел, а дети с удовольствием менялись кассетами в школе. Вот Виталий и захотел, как Ван Дамм, эффектным ударом с разворота побеждать врагов. Правда, поровну поделить

героев не получалось, и Виталик частенько играл Боло Янга, которого не любил, потому что по сюжету игр он должен был непременно получать в щи с вертушки.

Отец раздражался, глядя на их драки. Он даже записал младшего на карате, но Виталику там не понравилось: дети там не дрались, а бегали по спортзалу и дурачились. А потом он увидел на олимпиаде Александра Карелина, и пантеон его героев навсегда изменился.

Не в пример братьям Володя был далёк от спорта. С первых дней он постоянно беспокоился, плакал, если его оставляли одного в кроватке. Его мучили колики, и вообще с его пищеварением было много хлопот. Если старшие братья в первые месяцы жизни по большой нужде ходили через день, он — по семь раз в сутки, даже ночью. Иногда его рвало, он кричал, жалобно запрокидывал голову, но доктора почему-то настойчиво игнорировали жалобы родителей на боли в животе.

— Дело не в желудке, — сказал невролог, нахмурившись, — это классическая картина головных болей. Кто-нибудь в семье страдает от мигреней?

— Нет, — со вздохом ответила мать, — у всех железное здоровье.

— Хорошо, — отозвался доктор, не глядя в её сторону.

Он долго осматривал ребёнка, несколько раз перепроверял рефлексy, вздыхал, хмурился, отчего по лицу Ольги Сергеевны бродили мрачные тени.

— Ну что там? — не выдержала она. — Не томите!

— В том-то и дело, что ничего, — ответил он. — Всё на месте. Рефлексы есть. Развитие соответствует возрасту. По всем показателям ваш ребёнок здоров. И всё же, давайте понаблюдаемся. Придите ко мне на приём через две недели. А пока смотрите за ним в оба глаза.

Но как родители ни старались, ничего нового не заметили. Малыш по-прежнему капризничал, плохо реагировал на свет, хмурился и плакал, если просыпался один.

Спустя две недели доктор снова развёл руками. Никаких диагнозов у него не было, и в карточку он записывал только жалобы. Мать спрашивала у него про гипоксию, он неопределённо качал головой, мол, нужны исследования. А ещё сказал матери, что иногда головная боль может быть идиопатической. Нужно наблюдать, следить, сдавать анализы, но никаких нарушений он не находит.

— Более того, — добавил он, когда мать пеленала малыша, — обратите внимание, как он следит за всем, что вы делаете. Не скажу, что это редкость, но в каком-то смысле он даже чуть-чуть опережает свой возраст. Ещё в прошлый раз мне показалось, что у него слишком деловое выражение лица. Обычно к такому дети приходят месяца через два.

— Это хорошо?

— Это нормально, — выдохнул он, подыскивая место на столе, куда бы положить молоток. — Я к тому, что переживать раньше срока не нужно.

Слова доктора всех успокоили. По правде говоря, никто в семье Коноваловых и не думал, будто у Володи могут быть проблемы со здоровьем. А плохое самочувствие, в которое никто не верил, списывали на капризы. Однажды под утро, когда Володя разбудил родителей уже четвёртый раз, Иван Андреевич в шутку сказал: «Может, в роддоме что-то перепутали?» Два дня Ольга Сергеевна с ним не разговаривала.

Родители сильно уставали. После бессонных ночей они легко раздражались, порой обменивались колкостями, порой срывались на старших детях. Братья к Володьке отнеслись с подозрением и просто так в комнату к нему не ходили, дабы не путаться под ногами. Им обоим не хватало родительского внимания, и они прекрасно понимали, кто в этом виноват.

Как только мальчик подрос и начал осваивать другие комнаты, братья стали над ним подшучивать. Чаще всего Володя и не понимал, что его разыгрывают. Например, оставит мама детям по шесть долек шоколада, старшие втихаря стащат у младшего две, а он и не заметит. То маркером измажут, пока он спит, то разберут тайком пазл, который он долго собирал, небрежно разрисуют раскраску, которую он накануне не закончил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.